

Славянские языки и литературы в межнациональной коммуникации

Речевая коммуникация в ситуации этнокультурного взаимодействия

Н. Авина

Вильнюсский педагогический университет (Вильнюс, Литовская Республика)

Речевая коммуникация, этнокультурное взаимодействие, инновации, коммуникативное поведение

Аннотация. В данной работе затрагиваются следующие особенности речевой деятельности в ситуации этнокультурного взаимодействия: региональные инновации, речевой этикет и языковая игра в коммуникативном поведении. Специфика речевой коммуникации, проявляющаяся в стереотипах коммуникативного поведения, показывает естественную ориентацию говорящих на родном языке на социокультурные ценности конкретного общества. В родном языке коммуникантов отражаются особенности их этнолингвокультурного сознания.

1. Вводные замечания

Современное коммуникативное пространство представляет собой сложную систему с различными видами коммуникации, в том числе и межкультурной. Этнолингвокультурное взаимодействие, обусловленное коммуникативно-прагматическими, психологическими, ментальными, когнитивными и другими особенностями билингвизма, приводит к изменениям в речевой практике говорящих, выработыванию новых коммуникативных установок. Рассмотреть некоторые особенности речевого общения на родном языке в ситуации этнокультурного взаимодействия – задача данной работы.

В ряду разнообразных вопросов, касающихся специфики речевой деятельности в ситуации этнокультурного взаимодействия, в нашей работе затрагиваются следующие: региональные инновации как социокультурный компонент коммуникативного поведения; речевой этикет и языковая игра в коммуникативном поведении. Материалом исследования является русский язык как родной в различных ситуациях этнокультурного взаимодействия (см., например, работы: [Белоусов, Григорян, Познякова 2001], [Земская 2001], [Гловинская 2001], [Протасова 2004]); конкретные факты иллюстрируются примерами из языка русских Литвы [Авина 2006].

2. Региональные инновации в речевой коммуникации

В речевой коммуникации в ситуации языкового взаимодействия в результате интерференции в родном языке наблюдается активизация лексических инноваций, калек, слов-гибридов, расширения семантики слов, морфосинтаксических и других явлений. Интерференционные явления характерны как для устной речи, так и письменного текста. Они определены прагматической установкой билингвов, коммуникативной актуальностью употреблений и коммуникативным удобством, связанным с экономией речевых усилий говорящих.

Важным становится вопрос о нормативном статусе региональных употреблений. В самом общем виде анализируемые инновации в условиях иноязычного окружения можно рассматривать и как узусальные (это заимствования), и как индивидуальные, окказиональные употребления (это вкрапления, их множество); нормативный статус последних часто не ясен. В ситуации языкового контактирования понятия нормы и отступлений от нормы несколько иные, нежели в исконной среде; возможно, следует говорить о региональной норме.

В ситуации этнокультурного взаимодействия региональные инновации являются тем культурно-специфическим компонентом, посредством которого отражаются некоторые особенности этнокультурного сознания билингвов. Так, лексические инновации, появляющиеся в родном языке при взаимодействии с языком окружения, отражают реалии конкретного социума и происходящие в нем изменения. Лексические инновации, активизирующиеся производные слова-гибриды и другие языковые явления свидетельствуют об источниках номинации, связанных с местными реалиями.

3. Коммуникативное поведение в ситуации этнокультурного взаимодействия

Специфика речевого поведения в ситуации этнокультурного взаимодействия связана с целым рядом факторов: территориальными и демографическими особенностями; социальной дифференциацией; различным уровнем владения как родным, так и контактирующими языками; отношением к родному языку; индивидуальными и другими особенностями. В ситуации этнокультурного взаимодействия появляются особые коммуникативные стратегии как следствие социальных и культурных приоритетов данного социума, с которым – осознанно или неосознанно – отождествляет себя культурно-языковая личность в поликультурной среде. В нашей работе специфика коммуникативного поведения рассматривается на материале речевого этикета и языковой игры.

В речевом этикете реакция языка на определенные социокультурные условия ярко проявляется в обращении, использовании отчества.

Специфика языковой игры в разговорной речи русских в поликультурной среде заключается в активизации элементов контактирующего языка и создании окказиональных гибридов. Подобные гибриды, демонстрирующие языковую творческую функцию языка, показывают действенность словообразовательного механизма и свидетельствуют о состоянии языка – его активном функционировании. Между тем способы и приемы образования окказиональных производных в ситуации языкового контактирования менее разнообразны, чем в русской разговорной речи метрополии.

4. Заключительные замечания

Рассмотренные в нашей работе явления дают возможность охарактеризовать некоторые процессы речевой коммуникации и коммуникативного поведения русских в ситуации этнокультурного взаимодействия. Специфика речевой коммуникации показывает естественную ориентацию говорящих на родном языке на данное конкретное общество и его социокультурные ценности. В родном языке коммуникантов отражаются особенности этнокультурного сознания билингвов в поликультурной среде. Понимание же различий в социокультурных ценностях помогает в выборе коммуникативных стратегий и тактик, уменьшает лингвокультурную интерференцию в речевом общении в ситуации этнокультурного контактирования.

Литература

- Авина Н. Ю. Родной язык в иноязычном окружении. М.; Вильнюс, 2006.
- Белоусов В. Н., Григорян Э. А., Познякова Т. Ю. Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М., 2001.
- Гловинская М. Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья. М.; Вена, 2001.
- Земская Е. А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья. М.; Вена, 2001.
- Протасова Е. Ю. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб., 2004.

Некоторые тенденции современного славистического литературоведения (По материалам XIV Международного съезда славистов в Охриде. 10–16 сентября 2008)

Л. Н. Будагова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Поводом для данного текста послужили доклады, которые удалось услышать на заседаниях литературоведческих секций съезда. Более точным был бы подзаголовок не «по материалам», а «по впечатлениям» – весьма субъективным, как и любые впечатления.

Сначала немного объективной статистики. Из приветственного обращения председателя оргкомитета съезда, академика Милана Гюрчинова, известно, что в нем приняли участие около 750 славистов из 40 стран мира. На нем были представлены такие дисциплины (направления), как: 1. Языкознание. 2. Литература, культура и фольклор. 3. История славистики.

По каждому направлению работало несколько секций. Первые три секции самого широкого, 2-го направления были посвящены эпохе Кирилла и Мефодия, языковым, литературно-теоретическим и культурно-историческим аспектам Охридской школы, славянскому фольклору, идеям Просвещения, сыгравшим большую роль в пробуждении национального самосознания славян.

Собственно славянским литературам и литературоведению была посвящена 4-я секция направления 2 (2.4). Обращенная к XIX–XXI вв., она объединила проблематику, связанную с общей динамикой литературного процесса у славян, его спецификой в отдельных литературах и в разные периоды, с поэтикой художественных эпох и стилей от романтизма до постмодернизма, с современными явлениями в славянских литературах (популярностью фантастики, научной фантастикой, массового искусства, гендерной проблематики и т. д.). Литературоведческие доклады звучали и на секциях, посвященных диалогу между Востоком и Западом, поискам национальной идентичности в условиях глобализации (2.5), эмигрантологии и литературам национальных меньшинств (2.6), русскому формализму, структурализму и семиотике (2.7), философско-религиозной и политической мысли у славян (2.8), компаративистике и жанрологии в славянских литературах (2.9) и т. д.

Главным объектом исследований зарубежных докладчиков была русская литература, ее наследие и современность, что не стало неожиданностью, так как зарубежная славистика сегодня – это, в первую очередь, русистика. Наибольшим вниманием пользовались древность, эпоха Барокко, литература Серебряного века, постмодернизм, творчество Льва Толстого (в связи со 180-летним юбилеем писателя оно было предложено Международным комитетом славистов в качестве одной из приоритетных тем съезда). Доминируя в литературоведческих докладах, русская литература отнюдь не монополизировала внимание присутствующих. Анализировались и все другие славянские литературы, но в меньшем объеме, что связано и с масштабами этих литератур, и с недостатком специалистов. Один пример. Страна проведения съезда обычно стимулирует появление докладов

о ее языке, культуре и литературе. В Охриде тоже были доклады о литературе принимающей страны. Но их делали либо сами македонцы, либо россияне. Вероятно, больше никто в мире македонской литературой не занимается. (С македонским языком, судя по докладам, дело обстояло лучше.) Другие славянские литературы анализировались, как правило, тоже либо их соотечественниками, либо российскими литературоведами.

Славяноведение, которое, (как повелось с I Международного съезда славистов в Праге) в неславянских странах означает исследование языка и литературы всех славян, а в славянских – лишь славян зарубежных, и которое бурно развивалось после войны в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, переживает сейчас не лучшие времена. О наступлении на славистику и сокращении славистических исследований в мире говорили немецкие и швейцарские участники III Международного конгресса литературоведческой богемистики в Праге в 2005 г. В этом контексте особое значение приобретает российское славистическое литературоведение – дисциплина широкого профиля, что подтвердили и доклады российской делегации, где затрагивалась проблематика практически всех славянских литератур. Другое подтверждение – выпуск «Истории литератур западных и южных славян в трех томах» (М., 1997–2001), созданной в Институте славяноведения и охватывающей развитие девяти литератур с их дописьменных истоков до 1945 г.

В свете сказанного нельзя не подчеркнуть роль славянских отделений филологических факультетов вузов, в частности МГУ – как надежной «кузницы кадров» славистов.

Среди подходов к материалу доминировали компаративистика и герменевтика. Сопоставлялись самые разнообразные явления в разных литературах: молодая проза, научная фантастика, варианты сюрреализма, постмодернизма, общие тенденции (в частности, ностальгические рефлексии), проблематика, отдельные произведения. Помимо того, что компаративистика присутствовала как сравнительный метод анализа, повышая научный уровень докладов, она наряду с жанрологией была выделена, как уже указывалось, в особую секцию, где явления рассматривались сквозь призму литературных связей.

В анализе текстов преобладал герменевтический аспект, а не структурно-семиологический, т. е. толкование текстов, анализ смыслов, а не структуры. Но, уступая, на мой взгляд, позиции в качестве приемов анализа артефактов другим (в том числе более традиционным) методам, структурализм и семиотика остаются весьма привлекательными объектами исследований как концепции литературы и искусства, как один из самых впечатляющих «инновационных» проектов, родившихся в XX в. в сфере гуманитарно-филологических наук.

Особенности формирования языковой картины мира пользователя русского языка в полиэтничном регионе:

восприятие и интерпретация традиционных славянских культурных ценностей

Т. В. Гамалей

Дагестанский государственный университет (Махачкала, Россия)

Региолект, маргинализация русского языка, модели представления культурно значимой информации, трансформация языковой картины мира

Аннотация. Доклад посвящен особенностям формирования языковой картины мира у пользователей русского языка в национальном регионе, в том числе моделям вытеснения, сужения, расширения и частичной замены репрезентируемой посредством региолекта культурно значимой информации.

Традиционно используемое в социолингвистике понятие «русский язык как средство межнационального общения» в современных условиях получает новую интерпретацию. Для большей части населения инонациональных регионов России (за исключением элитарного типа пользователей) рус-

ский язык становится простейшим коммуникативным кодом, лишаясь тех богатейших фоновых представлений, коннотативных наслоений и ассоциативных конденсатов, которые с большей или меньшей степенью регулярности реализуются в сознании носителей языка.

Формирование региолекта (регионального варианта русского языка) отчасти отражает процесс постепенной маргинализации русского языка как определенного культурного кода. В региолекте формируются новые типы представления концептов, связанных с ключевыми культуроёмкими понятиями. Данные типы выстраиваются в соответствии с моделями вытеснения, сужения, расширения и частичной замены репрезентируемой культурно значимой информации. Отмечается изменение длины ассоциативных цепочек и набора их звеньев, значительно редуцируются зоны этикетного общения, формулы которого воспринимаются как маркеры чуждого способа коммуникации, не отвечающего определенному национально и ментально обусловленному поведенческому коду.

Особую роль в изменении культурной парадигмы и ее языкового представления в региолекте играет исламизация общественного сознания в регионе. Сакральная лексика,

сакральные смыслы, связанные с немусульманским вероисповеданием, подвергаются явному или подсознательному остракизму: известен случай, когда ученик дагестанской сельской школы отказался читать строчку из басни И. С. Крылова «Ворона и Лисица» «Вороне как-то Бог послал кусочек сыра», поскольку произносить слово «Бог» считал для себя крамольным. Ср. также высказывания в анкетах, заполненных студентами гуманитарного факультета, содержащие резко негативное отношение к эллинской культуре в связи с ее «многобожием и идолопоклонством».

Таким образом, картина мира, сформированная в языковом сознании пользователей русского языка в его региональном варианте, представляет собой результат значительной трансформации и редукции, реальные черты которых нуждаются в тщательном исследовании и актуальны как в собственно лингвистическом, так и в геополитическом аспектах.

Язык как система в историко-фонетических исследованиях ученых Харьковской лингвистической школы

В. А. Глушенко, В. Н. Овчаренко

(г. Славянск, Украина)

М. Каламаж

Опольский университет (Ополе, Польша)

Важное место в научном творчестве ученых Харьковской школы занимает разработка положения о системном характере языка. Для А. А. Потебни, М. А. Колосова и П. И. Житецкого характерна сознательная ориентация на принцип системности при изучении языковых явлений. Среди высказываний А. А. Потебни о системном характере языка можно выделить дефиницию языка как «системы знаков, способной к неопределенному, к безграничному расширению» [Потебня 1981: 134]. В более развернутом виде тезис о системности языка А. А. Потебня эксплицировал так: «Не все равно, представляется ли нам язык собранием бессвязных и произвольных значков, из [которых] каждый должен быть заучен порознь и каждый бременит память, мешая другого рода умственной деятельности, или же связною системою, в которой знание небольшого дает ключ к пониманию несравненно» [Потебня 1962: 68]. Вообще же ученый обычно не употреблял слово *система* в его терминологическом значении, тем не менее многочисленные замечания А. А. Потебни по поводу конкретных языковых явлений дают достаточно ясную картину понимания им системности языка. В связи с этим исследователи говорят о разработке А. А. Потебней принципа структурной объединенности и соотносительности всех элементов языка.

Такой подход противостоял «атомарному» рассмотрению языковых явлений, который ученые Харьковской школы оценивали как важный недостаток современных им исследований: «До сих пор языковедание большею частью принуждено вращаться в кругу элементарных наблюдений над разрозненными явлениями языка и дает нам право лишь надеяться, что дальнейшие комбинации этих явлений от него не уйдут» [Потебня 1958: 162]. Это вынуждало ученых Харьковской школы теоретически обосновывать системный подход к языковым фактам. В этом плане вызывают интерес соображения П. И. Житецкого, который писал: «Мы решили оставить в стороне прием отрывочного, разрозненного изучения звуковых явлений. Нам казалось, что, вырывая один факт из ряда генетически возникавших фактов, мы лишаем его почвы и невольно поэтому даем ему фальшивое освещение. Определить эту почву, хоть приблизительно, было нашей задачей...» [Житецкий 1987: 144–145].

Ученые Харьковской школы рассматривали понятие языковой системы преимущественно в историческом аспекте: в истории того или иного языка система испытывает качественные изменения.

Как отмечают исследователи научного творчества А. А. Потебни, системное понимание языковых явлений с достаточной полнотой отразилось в работах ученого по историче-

ской фонетике восточнославянских языков [Олійник 1962: 43]. Проведенный нами анализ показывает, что этот вывод можно распространить также на историко-фонетические исследования М. А. Колосова и П. И. Житецкого.

Рассмотрение языковой системы в историческом аспекте в практике фонетических исследований ученых Харьковской школы было связано с пониманием системного характера современного языка. Так, М. А. Колосов подчеркивал, что «малорусская фонетика представляет органическую цельность, что указывает на органическое развитие».

Принцип системности в историко-фонетических исследованиях ученых Харьковской школы реализовался, в частности, в процессе применения приема генетического отождествления фактов.

Системный подход ученых Харьковской школы к языковым явлениям в их истории отразился и в приеме хронологизации фонетических явлений. Так, М. А. Колосов отрицательно оценивал положение А. А. Потебни о сохранении редуцированных гласных в некоторых современных северновеликорусских говорах. Один из аргументов М. А. Колосова базируется на различении гласных призвуков на месте древних редуцированных, с одной стороны, и редуцированных гласных как фонем, с другой: «Глухие звуки издавна потерялись в русском языке как отдельная звуковая категория, как звуки, которые неизменно оказывались когда-то в известных определенных случаях; но *возможность произнесения* (выделено нами. – В. Г., В. О., М. К.) глухого языком и до сих пор в некоторых говорах не утрачена». Слово сочетание *отдельная звуковая категория* М. А. Колосов употреблял в том значении, которое позднее было закреплено за термином *фонема*. Таким образом, в трактовке истории *ъ* и *ь* как единиц системы фонем М. А. Колосов стал предшественником языковедов XX в.

Определенная ограниченность исторического подхода к явлениям языковой истории, характерная для П. И. Житецкого, проявилась в одноплоскостном соотношении архетипов: на плоскость «общерусского праязыка» были перенесены такие разные по времени образования явления, как полногласие и падение редуцированных.

Присущее ученым Харьковской школы понимание языка как системы реализовалось также в приеме локализации языковых явлений. Так, А. А. Потебня отметил определенную системность написаний в Поучении Ефрема Сирина, вольнском памятнике конца XIII в. Ученый обратил внимание на совпадение двух древних предлогов-приставок *въ* и *у*. Дав этому явлению фонетическую интерпретацию, А. А. Потебня подчеркнул, что такие формы, как *в чась*, *ув*

молитвах, узлюбиль, с одной стороны, и *вгодно, поучить, вьмрѣти*, с другой, имеют «малорусское» происхождение. Однако формы типа *узя* (вместо *взя*) и *вже* (вместо *уже*) нельзя считать «малорусскими». Аргументируя это положение, А. А. Потебня указывал на то, что подобные формы с древних времен присущи говорам восточнославянского севера (ученый делает ссылку на Смоленскую грамоту 1229 г. и северные русские грамоты XIV–XV вв.) и гармонируют с другими северновеликорусскими чертами, которые, по А. А. Потебне, внес северный переписчик (второе полногласие, переход напряженных редуцированных в сильной позиции в *о* и *е*, цоканье).

Литература

- Будагов Р. А. Портреты языковедов XIX–XX вв.: Из истории лингвистических учений. М., 1988.
- Житецкий П. Г. Нарис літературної історії української мови в XVII в. // Житецкий П. Г. Вибрані праці: Філологія / Вступ. стаття, упоряд. та комент. Л. Т. Масенко. К., 1987.

Славянские этнические группы в румынском Банате (современная этнокультурная ситуация)

Н. Г. Голант

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого – Кунсткамера (Санкт-Петербург, Россия)

Банат, Румыния, этнические меньшинства

Банат издавна был местом сосуществования различных этносов и культур. Его земли входили в состав Римской империи, Венгерского королевства, Османской империи, империи Габсбургов, а затем – Австро-Венгрии. В настоящее время около двух третей его территории входит в состав Румынии, около трети – в состав Сербии. В период позднего Средневековья Банат был населен румынами, сербами и куманами. После вхождения Баната в состав империи Габсбургов здесь появляются немцы, французы, итальянцы, испанцы, болгары, чехи, словаки. В наши дни в румынском Банате наряду с румынами живут венгры, немцы, рома, сербы, украинцы, болгары, карашевцы, словаки, чехи и др. (см. [Buzărnescu 2004]).

Сербы составляют большинство населения в сс. Свиница (округ Мехединь), Пожежена, Сокол, Молдова-Веке (округ Караш-Северин) и др. [http://www.banatera.eu/romana/biblioteca_banat/monografii/interculturalitate_moldova_noua.pdf]. Значительное число сербов проживает в городах румынского Баната, в т. ч. в Тимишоаре. Подавляющее большинство сербов – православные. В Тимишоаре существует Сербская православная епархия. Общественно-политическое объединение сербов – Союз сербов Румынии, центральный офис которого находится в Тимишоаре. Эта организация ежегодно проводит «марафон» сербского танца и песни, хоровой фестиваль, издает еженедельник «Наша реч» («Наше слово») и литературный журнал «Књижевни живот» («Литературная жизнь»). В Банате существует около 30 начальных и средних учебных заведений с преподаванием на сербском языке, в т. ч. лицей им. Доситея Обрадовича в Тимишоаре [http://www.divers.ro/actualitate_ro3], [http://www.divers.ro/viata_culturala_ro]. В 1992 г. открылось отделение сербского языка и литературы в Тимишоарском университете [Радан 2004а].

Карашевцы живут в сс. Карашова, Лупак, Нермет, Ябалча, Клокотич, Рафник и Водник в жудеце Караш-Северин [Луца 1998], [Таşула 1998]. В настоящее время большинство лингвистов признает, что говоры карашевцев являются сербскими, однако спорным остается вопрос, принадлежат ли они к косовско-ресавскому или к тимокско-лужицкому диалекту [Радан 2004б: 32]. Карашевцы исповедуют католицизм. Большинство карашевцев имеет хорватские паспорта, многие работают в Хорватии [Луца 1998]. Интересы этой этнической группы представляет Союз хорватов Румынии. Эта организация издает журнал «Hrvatska grancisa» (в с. Карашова). В карашевских селах имеются школы с преподаванием на хорватском языке, в т. ч. хорватско-румынская гимназия в с. Карашова [Таşула 1998], [http://www.divers.ro/croati_specific_cultural_ro], [<http://www.rosmarein.go.ro/timisoara/etn-ro.html>].

Банатские болгары живут на территории округов Тимиш и Арад, в сс. Дудештий-Векь, Винга, Брештя, Дента, Дета,

Колосов М. А. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878.

Олійник І. С. Питання історичної фонетики української мови в працях О. О. Потебні // О. О. Потебня і деякі питання сучасної славістики: Матеріали III Республіканської славістичної конф., присвяченої 125-річчю з дня народження О. О. Потебні (23–27 грудня 1960 р.). Харків, 1962.

Потебня А. А. Заметки о малорусском наречии. Воронеж, 1871.

Потебня А. А. К истории звуков русского языка: Этимологические и другие заметки. Ч. 2. Варшава, 1880.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. 3-е изд. М., 1958.

Потебня А. А. Общий литературный язык и местные наречия // Александр Опанасович Потебня: Ювілейний зб. до 125-річчя з дня народження. К., 1962. С. 63–77.

Потебня А. А. История русского языка: Лекции, читанные в 1882–3 ак. г. в Харьковском ун-те [Публикация С. Ф. Самойленко] // Потебнянські читання / Відп. ред. Г. П. Їжакевич. К., 1981. С. 119–168.

Франчук В. Ю. А. А. Потебня: Кн. для учащихся. М., 1986.

Сынниколаул-Маре, Колония Булгарэ и в гг. Тимишоара и Арад. Они также являются католиками [Ivanciov 1997]. Болгары обосновались в Банате в 1738–1741 гг. Здесь соединились беженцы из западной Болгарии (католики и православные из окрестностей г. Чипровцы, покинувшие родину после неудачного восстания в 1688 г.) и переселенцы из восточной диалектной области (болгары-католики из Свиштова и Никополя, исповедовавшие павликианскую ересь) [Ivanciov 1997], [Узенева 2006]. В языковом отношении верх взяли носители восточного диалекта [Узенева 2006]. В 1866 г. диалект банатских болгар был кодифицирован на основе хорватской и венгерской версий латиницы [Узенева 2006] [http://www.divers.ro/bulgari_invatamintul_in_limba_materna_ro]. В наши дни на этом диалекте издается художественная литература и периодика (общественно-политическая газета «Naşa glás» и журнал «Literaturna Miseli»). В школах болгарских сел Баната болгарский язык изучается факультативно [http://www.divers.ro/bulgari_invatamintul_in_limba_materna_ro]. Общественно-политическая организация банатских болгар – Болгарский Союз Баната [Ivanciov 1997].

Украинцы в Банате живут в окрестностях гг. Лугож, Карансебеш и Арад. Украинцы – выходцы из Закарпатья и Буковины – появляются здесь в 1908–1918 гг., когда происходит распродажа немецких и венгерских латифундий на юге Австро-Венгрии. После 1970 г. многие украинцы из Марамуреша и Буковины покупают хозяйства эмигрировавших немцев, в результате чего ряд сел Баната становится преимущественно украинскими (сс. Погэнешть, Драгомирешть, Штюка, Бырсана и др.). Большинство украинцев Баната – православные. В Лугоже имеется резиденция одной из протопопий Украинского православного викариата, находящегося в юрисдикции Румынской православной церкви. Общественно-политическая организация украинцев – Союз украинцев Румынии, отделения которого есть и в Банате [http://www.divers.ro/ucrainenii_din_banat_ro], [http://www.divers.ro/cultura_si_religie_ucrainieni_ro], [http://www.divers.ro/ucrainieni_religie_educatie_reprezentare_politica_ro].

Чехи появились в Банате в 1823–1828 гг. Они переселились сюда из Богемии, также входившей в состав империи Габсбургов. Чехи живут в сс. Гырник, Сфынта Елена, Бигэр, Равенска (округ Караш-Северин) и др. Большинство чехов – католики [Svoboda 1997].

Словаки живут в городке Нэдлак (округ Арад), в коммуне Брестовэц, в сс. Бутин, Вукова и др. (округ Тимиш). Словаки Нэдлака в большинстве своем являются потомками переселенцев из гг. Тоткомлош, Бекешчаба и Сарваш в юго-восточной Венгрии. Эта группа словаков переселилась в Банат в 1803 г. Позже в Банат прибыли колонисты из словацких областей Орава, Новоград (1813 г.) и Нитра (1827 г.). Их потомки живут в сс. Бутин и Вукова. Большинство сло-

ваков Баната – лютеране; часть словаков Нэдлака и словаки, проживающие в ком. Брестовэц, являются католиками, также в Нэдлаке имеется небольшое число словаков-греко-католиков [Hlaşnik 1997], [Zetocha 1997].

Интересы словацкого и чешского меньшинств представляет Демократический Союз словаков и чехов Румынии, центральный офис которого находится в Нэдлаке. Периодическое издание этой организации – ежемесячник «Nase snahu» («Наши усилия»), где публикуются статьи на чешском и словацком языках [http://www.divers.ro/cs_activitati_culturale_ro], [http://www.rosmarein.go.ro/timisoara/etn-ro.html]. В Нэдлаке существует гимназия им. Й. Г. Тайковского и др. учебные заведения с преподаванием на словацком языке. Словацкая начальная школа есть в с. Бутин [Hlaşnik 1997]. Экспозиция краеведческого музея в Нэдлаке знакомит посетителей с культурой словаков Баната, Трансильвании и Воеводины [http://www.divers.ro/cs_activitati_culturale_ro], [http://www.rosmarein.go.ro/timisoara/etn-ro.html]. После революции 1989 г. в Нэдлаке была восстановлена словацкая евангелистская протопопия [http://www.divers.ro/cs_perioada_contemporana_ro].

Представители славянских этнических групп в значительной мере сохраняют традиционную культуру. Сохраняются многие обычаи, связанные с праздниками, в первую очередь с такими, как Рождество и Пасха [Крстић, Миштоју 2005], [Ciobotin 1997], [Taşula 1998], [Ivanciov 1997], [Peiov, Mirciiov 1997], [Svoboda 1997], [Zetocha 1997]. Некоторые праздники бытуют только внутри той или иной этнической группы, сохраняясь практически в том виде, в каком они были привезены колонистами с исторической родины, как, например, «Баба Марта» у банатских болгар (разжигание костров в честь мартовской старухи, являющейся персонификацией марта) или майское дерево у чехов [Peiov, Mirciiov 1997], [Svoboda 1997]. Традиция весенних карнавалов, привезенная колонистами из Центральной и Западной Европы, вышла за пределы этих этнических групп, и в настоящее время начало Великого поста отмечают карнавалами и немцы, и чехи, и словаки, и банатские болгары, и карашевцы, и сербы, и румыны в ряде населенных пунктов Баната [Taşula 1998], [Ivanciov 1997], [Svoboda 1997], [Zetocha 1997], [Хедешан, Голант 2007], [Полевые материалы... 2005].

Сохранение культурной самобытности этнических меньшинств Баната в значительной мере поддерживается органами власти, т. к. работает на популярную (в первую очередь в этом регионе) идею создания мультикультурного общества.

Литература

- Крстић В., Миштоју А. Обычаи уочи Бадњег дана код срба у румунском делу Баната // Probleme de filologie slavă. XIII. Timișoara, 2005. P. 85–90.
- Полевые материалы автора из округа Караш-Северин. Апрель 2005 г.
- Радан М. Карашевские говоры – язык или диалект славянских языков? // Языки и диалекты малых этнических групп на Балканах. Тезисы докладов. СПб., 2004b. С. 32.
- Радан М. Н. Развој изучавања српског језика (као матерњег и као страног) у Румунји, са посебним освртом на актуелне проблеме // Probleme de filologie slavă. XII. Timișoara, 2004a. P. 89–102.
- Узенева Е. Пальчене // Родина. 2006. № 4.
- Хедешан О., Голант Н. Карнавал в румынском Банате: полевые исследования в Молдова-Ноуэ // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 300–311.
- Buzărnescu Şt. ş. a. Un model de interculturalitate activă: Banatul românesc. Timișoara, 2004.
- Ciobotin B., pr. Obiceiurile din timpul Postului-Mare și Săptămâna Patimilor, la sârbi bănăţeni // Analele Banatului. Etnografie. 1997. Vol. 3. P. 192–197.
- Hlaşnik P. Slovacii în Banat – de la colonizare până în prezent // Analele Banatului. Etnografie. 1997. Vol. 3. P. 204–210. http://www.banaterra.eu/romana/biblioteca_banat/monografii/interculturalitate_moldova_noua.pdf. http://www.divers.ro/actualitate_ro3. http://www.divers.ro/bulgari_invatamintul_in_limba_materna_ro. http://www.divers.ro/croati_specific_cultural_ro. http://www.divers.ro/cs_activitati_culturale_ro. http://www.divers.ro/cs_perioada_contemporana_ro. http://www.divers.ro/cultura_si_religie_ucrainieni_ro. http://www.divers.ro/ucrainenii_din_banat_ro. http://www.divers.ro/ucrainieni_religie_educatie_reprezentare_politica_ro. http://www.divers.ro/viata_culturala_ro. <http://www.rosmarein.go.ro/timisoara/etn-ro.html>.
- Ivanciov C. M. Obiceiuri și tradiții ale minorității naționale bulgare din Banat // Analele Banatului. Etnografie. 1997. Vol. 3. P. 236–245.
- Luca G. Muncă, bani și etică la carașoveni // Analele Banatului. Etnografie. 1998. Vol. 4. P. 125–132.
- Peiov A., Mirciiov E. Datini și obiceiuri de primăvara la comunitatea bulgară din Banat // Analele Banatului. Etnografie. 1997. Vol. 3. P. 246–249.
- Svoboda J. Din istoricul colonizării cehilor în Banatul românesc; obiceiuri de primăvara la populația cehă din sudul Banatului românesc // Analele Banatului. Etnografie. 1997. Vol. 3. P. 231–235.
- Taşula S. Ceremoniașul nunții la carașoveni // Analele Banatului. Etnografie. 1998. Vol. 4. P. 133–144.
- Zetocha A. M. Datini și obiceiuri de primăvară la slovacii din Nădlac (jud. Arad) // Analele Banatului. Etnografie. 1997. Vol. 3. P. 225–230.

Проекция опыта становления славянских языков на формирование тюркских литературных языков

З. К. Дербишева

Кыргызский университет «Манас» (Бишкек, Кыргызстан)

Литературный язык, языковая традиция, славянские языки, тюркские языки, руническое письмо

Аннотация. Закономерности, характерные для становления литературных славянских языков, актуальны и для тюркских языков, в частности, к ним можно отнести употребление в качестве письменного литературного языка на определенном этапе развития не своего, а чужого языка, а также характер соотношения литературного языка и народно-разговорных диалектов. Вместе с тем приходится констатировать и наличие определенного своеобразия в процессе формирования тюркских литературных языков, связанных со сравнительно сложным этнокультурным и общественно-историческим фоном развития тюркских языков.

Общие закономерности и тенденции развития разных национальных литературных языков свидетельствуют лишь об одном – в древности, в средние века и в новое время языки развивались по-разному.

В. В. Виноградовым был выдвинут тезис не только о необходимости исторического подхода к проблеме литературного языка и закономерностей его развития, но и об обязательности усиленного внимания к истории литературного языка самой древней письменной традиции. В ряду языков с очень древней письменной традицией на первое место должны быть поставлены языки тех народов, история которых – причем именно как народов культурных – начинается с глубокой древности и непрерывно тянется до наших дней.

Среди общих закономерностей развития литературных языков народов Запада и Востока отмечается важная закономерность, характерная для эпохи феодализма, предшествующей образованию национально-литературных языков, –

это употребление в качестве письменного литературного языка не своего, а чужого языка. В эту эпоху границы литературного языка и народности не совпадают.

Другая закономерность развития литературных языков, определяющая различие их качеств и свойств в донациональную и национальную эпохи, состоит в характере отношения и соотношения литературного языка и народно-разговорных диалектов. Так, письменная речь в древнейшие эпохи у европейских народов в разной степени насыщена диалектизмами.

Третья закономерность связана с процессами нормализации общелитературного языка, базирующегося на народной основе, и с отношением его к старой литературно-языковой традиции. К концу феодального периода народный язык в разных европейских странах в той или

инной степени вытесняет чужие языки из многих функциональных сфер общения.

В истории литературного языка особенно резко выступает различие двух аспектов развития языка – функционального и структурного. Функции литературного языка в донациональную эпоху могут быть распределены между двумя и даже больше языками (ср., например, старославянский и народные языки у восточных и южных славян, латинский язык у германских и западнославянских народов; арабский язык у тюркских народов). Самый характер распределения функций обусловлен социально-историческими причинами.

В процессе формирования отдельных национальных родственных литературных языков рельефно выступает своеобразный принцип или закон «взаимопомощи». Например, известна роль русского языка в образовании болгарского национального литературного языка, роль украинского, польского и русского языков в формировании белорусского языка, роль чешского в становлении польского национального литературного языка.

Вопрос о роли художественной литературы и связанной с ней языковой традицией при формировании национального литературного языка очень сложен и, несмотря на наличие общих тенденций, обнаруживает своеобразные индивидуально-исторические формы решения и воплощения в истории отдельных литературных языков. Нередко литература на языке данной нации возникает лишь после создания национального литературного языка. В истории славянских литературных языков так обстоит дело с македонским, словацким языками.

Только по отношению к национальному литературному языку может быть выдвинут тезис об **организующей и формирующей роли отдельных личностей** (например, А. С. Пушкин в истории русского национального литературного языка, Вук Караджич – сербского языка, Христо Ботев – болгарского языка, А. Мицкевич – польского и т. д.).

В поздний период пратюркского языка (III в. до н. э.) в нем образуются диалектные группы различного хронологического уровня, которые постепенно распадаются на отдельные языки. Различий между группами было больше, чем между членами внутри групп. Это генеральное различие сохранялось и впоследствии в процессе развития конкретных языков. Выделившиеся языки, будучи бесписьменными, хранились и развивались в устном народном творчестве, пока не выработались их обобщенные формы и не созрели социальные условия для введения письменности.

К VI–IX вв. н. э. у некоторых тюркских племен и их объединений эти условия возникли, вслед за этим появилась и руническая письменность (VII–XII вв.). Памятники рунического письма называют ряд крупных тюркоязычных племен и их союзы: *turk*, *cuuur*, *qirsaq*, *qirgiz*. Именно в этой языковой среде на основе огузского и уйгурского языков сложился первый письменный литературный язык, обслуживающий многие этносы в широком географическом ареале от Якутии до Венгрии. Выдвинуто научное положение о том, что в разные периоды существовали различающиеся системы знаков (более десяти видов), что ведет к понятию различных региональных вариантов рунического литературного языка, которые служили общественным потребностям тюркских этносов.

С появлением на исторической арене современных тюркских народов до формирования их в отдельные нации чагатайский язык использовался как литературная форма. Постепенно он вбирал в себя местные народные элементы, что привело к появлению локальных вариантов письменного языка, которые в отличие от чагатайского в целом можно называть литературным языком **тюрки**.

Закономерности, характерные для становления литературных славянских языков, актуальны и для тюркских языков, в частности, к ним можно отнести употребление в качестве письменного литературного языка на определенном этапе развития не своего, а чужого языка, а также характер соотношения литературного языка и народно-разговорных диалектов. Вместе с тем приходится констатировать и наличие определенного своеобразия в процессе формирования тюркских литературных языков, связанных со сравнительно сложным этнокультурным и общественно-историческим фоном развития тюркских языков. Прежде всего, надо помнить, что речь идет о разных типах цивилизаций: оседлой славянской и кочевой тюркской; образ жизни, специфика культуры этих народов неминуемо накладывали отпечаток на развитие языков. Кроме того, принципиально важны временные границы существования этих языков. Если славянские языки начали свое самостоятельную жизнь в период с X–XIII вв., и основная проблема их развития сводилась к конкуренции с «чужим» языком и взаимоотношению литературного языка с народными говорами, то тюркские языки в силу более длительного (в течение 2 тысячелетий) развития проходили скачкообразное развитие, со взлетами и падениями, иногда до полной утраты некогда развитых письменных традиций.

Чехи и словаки в Сибири: история, культура, языковая адаптация

Е. В. Евпак

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Россия)

Культурно-языковая интеграция

Аннотация. В публикации освещаются основные вопросы культурной адаптации чехов и словаков в России (Сибирский регион).

В новое время интерес к этническим диаспорам становится одним из приоритетных направлений национальных политик многих стран. Данная проблематика охватывает широкий спектр вопросов, прежде всего в аспекте межкультурной коммуникации и является предметом пристального внимания со стороны научных сообществ. В этой связи российские ученые не являются исключением. Ведь на территории России проживают представители самых разных этнических групп.

Для нас особый научный интерес представляют зарубежные славянские этнические группы (чехи и словаки), проживающие на территории Сибири и Дальнего Востока. Освоение Сибири и Дальневосточного региона разными этническими группами зарубежных славян является малоизученной темой. В большей степени исследованы этнические процессы, связанные с переселением в Сибирь неславян: массовые миграции немцев, эстонцев; англичан, голландцев, бельгийцев, американцев [Коровушкин 2006]. Проникновение иностранного капитала, в том числе и людских ресурсов, начинается главным образом с конца 80-х гг.

XIX в., когда их фирмы проникают в сибирское маслоделие, организуют компании по продаже сельскохозяйственных машин, ведут активную деятельность по закупке сельскохозяйственной продукции, они активно участвуют в индустриализации, эксплуатации сибирских природных ископаемых [Кривошеева 2003].

Типологически сходная ситуация при освоении Сибири наблюдается и у западных славян – чехов и словаков. Однако имеются и свои отличительные черты, обусловленные причинами миграции (эмиграции), культурной и языковой адаптацией. Появление «Сибирских» чехов и словаков – это следствие русофильских настроений в Австро-Венгрии в эпоху национального возрождения, и как результат – радующие со стороны царского российского правительства, пришедшее к активизации торговых связей (предпринимательства), освоению «целинных» территорий, строительству железной дороги, участию в золотопромышленности. Это прямое следствие Первой мировой войны (нахождение в Сибири лагерей военнопленных австро-венгерской армии), политических ссыльных, следствие легионерской миссии и др.

Еще известный русский славист И. И. Срезневский, находясь в научных командировках в 40-х гг. XIX в. по западно-славянским землям (в районах Турчанского жупанства – ныне районы Мартина в Словакии), обратил внимание на «русософильство» местного населения в быту, культуре. В домах местных жителей он увидел русские самовары, книги и другие предметы. Они пели русские песни. Об этом Срезневский сообщает в письмах к матери Елене. Все увиденное Срезневским связано с торговыми походами в Россию так называемых шафраников и олейкарей – торговцев маслом и лекарственными снадобьями. Некоторые из них открыли крупные магазины и в Сибири. Так, Андрей Духай из Блатнице основал крупные торговые лавки в Чите, Благовещенске, Бодайбо. Их языковая адаптация отличалась самобытностью – созданием «тайного языка шафраников и олейкарей». Напр. *bača* – ‘царь’, *bat’ka* – ‘русский’ и др. [Hrozičič 1981: 62–64]. Многие словацкие предприниматели остались здесь навсегда, рассеявшись по бескрайним просторам Сибири. В свете чешско-русских (сибирских) контактов-миграций вспомним Михала Котлера (1800–1879): его торговые миссии с 1828 г., путешествие в Сибирь в 1841–1842 гг. в эпоху первой в мире «золотой лихорадки», экспедиция в тайгу к горным притокам Енисея. Известны также его чешские предшественники – рыцарь Иржи Дразский из Драхова, член русского посольства в Китае в 1692–1695 (путевые записки; латинское издание – 1697, немецкое – 1698, чешское – 1800); Франтишек Кличка, иркутский губернатор 1773–83; полковник Вацлав Враницкий, активный деятель Южного общества декабристов, сосланный в Сибирь (умер в 1832 в Ялуторовке) и др. [Кучера 1998]. В XIX в.

в Россию приезжает много чешских учителей для преподавания греческого, латинского языков, физической культуры в русских гимназиях. В России чехи имели хороший материальный достаток и, по сравнению с другими странами (как и у себя на родине), занимали здесь солидное положение в обществе [Savický 1999: 18–20]. Современные «сибирские» чехи – это преимущественно потомки военнопленных австро-венгерской армии, чехословацкой дружины на Руси [Евпак 2007]. «Сибирские» чехи в отличие от поляков проживают разрозненно. Несмотря на практически полную языковую ассимиляцию, вопрос национальной самобытности занимает в их сознании важное место. Сохранению чешских традиций, культурного билингвизма способствует деятельность национально-культурного общества «Незабудка», личный энтузиазм председателя Татьяны Ковалевской (Шерый).

Литература

- Евпак Е. В. По следам чехословацких легионеров (из воспоминаний Р. Гайды) // Сибирь в период Гражданской войны. Материалы международной научно-практической конференции (6–7 февраля 2007 г., г. Кемерово). Кемерово, 2007. С. 78–80.
- Коровушкин Д. Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск, 2006.
- Кривошеева Е. А. От Копикуза – к АИК «Кузбасс» // Красная горка. Краеведческое издание. Вып. 4. Кемерово, 2003. С. 93–94.
- Кучера Ц. Русская Сибирь и чешское Возрождение // Славянский мир на рубеже веков: Материалы международного симпозиума. Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1998. С. 7–8.
- Hrozičič Jozef. Turčianski olejkári a šafraníci. Bratislava, 1981.
- Savický I. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách 1914–1938. Praha, 1999.

Славянский общественный и литературный партоцентризм

П. Карагьозов

Софийский университет (София, Болгария)

Термин *партоцентризм* является неологизмом, созданным по подобию ранее утвержденных терминов: *теоцентризм*, *антропоцентризм* и *этноцентризм*. Его цель – выявить центральное место партии в общественной и литературной жизни в период коммунистического тоталитаризма. Полный объем термина включает процессы возникновения, присутствия и литературного отражения всех существующих политических партий до их ликвидации и установления однопартийной (или псевдомногопартийной) системы в отдельных государствах.

Связь *партоцентризма* с прошлым сама по себе была не только терминологической, но и причинно-следственной. Идеологические и тематические доминанты развития славян очертили эпохи языческого политеизма, средневекового теоцентризма, возрожденческого этноцентризма, модернистического индивидуализма и коммунистического *партоцентризма*. Вопреки факту, что славяне-католики, кроме этих периодов, в форме Гуманизма и / или Реформации пережили также и ренессансный антропоцентризм, преобладающая часть славянской истории прошла под влиянием коллективизма.

Славянский *партоцентризм* явился прямым следствием коллективизма и прежде всего этноцентризма, но хотя и парадоксально на первый взгляд – зародился он к началу появления модернистического индивидуализма. Слабость и неуверенность отдельного славянина в конце XIX в. способствовали преобразованию возникшего на вероисповедной, языковой и фольклорной основах возрожденческого этноцентризма в классово-партийный коллективизм. С течением времени сильная зависимость славянского индивидуума от коллектива облегчила внедрение коммунистической идеологии, установление тоталитарного управления и насаждение культ личности.

Следуя за аллегорическим партийным анимализмом М. Горького (из поэмы *Песня о Буревестнике*), коммунистические идеологи внушали, что партия является живым, состоящим из крови и плоти организмом, и присвоили своей организации зооморфические черты. Впрочем, пока с течением времени партия начинала походиться на феникса, ее

члены становились подобны хамелеонам, меняющим свой цвет из-за страха перед нею самой.

С юридической точки зрения *коммунистический партоцентризм* наступил с ликвидацией политического плюрализма, установлением идеологического монополизма и слиянием партии с государством. Включение (посредством различных формулировок) в конституции социалистических стран постулата о «руководящей роли партии в государстве» легитимировало существующие партийно-государственные олигархии. Партия (обозначенная прописной буквой и с определенным артиклем – в языках, где он существует) начала распорядиться судьбами не только ее членов, но и всех граждан страны.

Социалистический реализм, который получил «общественное признание» и набрал скорость после Первого съезда советских писателей (1934), не полностью тождествен *партоцентризму*, а представляет собой лишь его часть. Коммунистический *партоцентризм* является темпоральным отрезком, доминированным определенной идеологией, тематическими кругами и объектами изображения, а соцреализм представляет собой один из множества методов его художественной интерпретации.

Партоцентризм – это не славянский «патент». Накануне и во время Второй мировой войны он проявился в Испании, Германии, Италии и других европейских странах. В середине XX в. формировались два типа партоцентризма: на классовой основе (в СССР, а после войны – и в остальных соц-странах) и на националистической основе (в Германии, Италии, Венгрии, а также в Независимом Государстве Хорватия и Словацкой республике). Установление коммунистических диктатур в Албании, Румынии, Венгрии, ГДР, Китае, Северной Корее, Монголии, Северном Вьетнаме, на Кубе и в Никарагуа превратило *коммунистический партоцентризм* из первоначально славянского в мировой феномен.

В докладе рассматриваются проявления партоцентризма в славянских литературах (в произведениях Бр. Нушича, Ал. Константинова, Ст. Жеромского, Ю. К. Бандровского, М. Горького, Вл. Маяковского, Хр. Радева, М. Крлежи, Ив. Петрова и др.) с конца XIX в. до конца XX в.

Отражение особенностей русского этнокультурного сознания в официально-деловом языке (на фоне американского английского)

В. Ю. Копров

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Официально-деловой стиль, национальные особенности, глобализация, лексика, синтаксис

Аннотация. Рассматриваются интернациональные характеристики официально-делового языка, его лексико-грамматические особенности как проявление этнокультурного сознания носителей русского и английского языков, тенденции изменения русского официально-делового языка в условиях глобализации.

1. Официально-деловой язык как особый функциональный стиль речи характеризуется известными **интернациональными** чертами, которые являются следствием универсальности решаемых им задач – служить инструментом делового общения, средством документирования официальной управленческой и служебной информации. Смысловая однозначность высказывания предполагает использование лексем и синтаксических конструкций в прямых, изосемических значениях. В то же время для русской официально-деловой коммуникации характерны определенные национальные особенности, которые наиболее отчетливо проявляются на фоне доминирующего в современном мире американского английского языка.

Главными особенностями **русской** официально-деловой речи являются: строгая функциональность, рациональность, нормативное использование стилистически маркированных языковых форм и конструкций, соблюдение *принципа скромности*, так называемый «надличностный» характер.

Англоязычное деловое общение отличается следующими основными чертами: персонифицированность речи, стремление уменьшить использование пассивных конструкций за счет активных, недифференцированное использование языковых форм, относящихся как к официально-деловому, так и к разговорному стилям, а иногда и выходящих за пределы литературного языка (просторечие, диалектизмы), эмоционально-экспрессивная окрашенность.

2. Начавшееся около двадцати лет назад вхождение России в систему капиталистических отношений является одной из основных причин новой волны активного проникновения иноязычных слов и терминов (главным образом, из американского варианта английского языка) в русскую речь, в том числе в официально-деловую. Однако среди недавних заимствований есть как слова, называющие новые понятия (*чартер, презентация, резюме*), так и слова, дублирующие русские (или давно заимствованные и уже ставшие привычными) названия бытующих понятий и явлений (*эсклюзивный – исключительный; прайс-лист – прейскурант; менеджер по продажам – продавец; менеджер по уборке офиса – уборщица*).

Заимствования первого типа вполне оправданны и активно осваиваются русским языком, поскольку они мотивированы появлением новых реалий в политической и экономической жизни страны. Иногда такие заимствования развивают синонимию русского языка. Например, ядром номинативного аспекта содержания слов *креатив* и *творчество* является значение 'созидательная, новаторская деятельность'. Однако в смысловое содержание рассматриваемых лексем включены ценностные установки с различным оценочным модусом: 'меркантильность, полезность – деятельность, направленная на получение материальных благ' – в слове *креатив*; 'духовность, созерцательность – деятельность, направленная на созидание духовных ценностей' – в слове *творчество* (Т. Н. Александрова). Подобные заимствования, оказываясь в зоне оппозиции ценностных установок русской культуры («красота важнее пользы», «духовность важнее меркантильности» и др.), несут в себе и ценностные установки западноевропейской культуры – ориентация на успех, материальное благополучие, карьерный рост любой ценой (В. В. Колесов).

Заимствования второго типа (*мерчендайзер, девелопер, контент* и мн. др.) часто просто вызваны стремлением «неофитов», которые недавно в массовом порядке присту-

пили к изучению английского языка и регулярно бывают за рубежом, как можно чаще употреблять новые для них слова вместо русских, чтобы таким способом как бы приблизиться к доминирующему в современном однополярном мире англоязычному «деловому сообществу». Очевидно, что поток подобных заимствований – варваризмов – только засоряет русский язык, что вызывает оправданные протесты как со стороны лингвистов, так и широкой общественности, вызывающей к государственным инстанциям с требованиями проводить более целенаправленную политику в сфере языка.

3. В области **синтаксиса** современного русского официально-делового языка отмечается повышенная частотность пассивных, безличных и определено-личных предложений. В английском языке у этих и других русских конструкций прямых эквивалентов нет, что, как оказалось, в условиях глобализации (американизации мира), имеет и экстралингвистические последствия. В наше время сопоставительная типология языков стала предметом околонуточных спекуляций, заключающихся, главным образом, в возвышении собственного языка и культуры с одновременным принижением остальных. В работах такого рода конкретные аргументы и результаты исследований фактического материала подменяются умозаключениями, якобы доказывающими «неполноценность», «архаичность», «пассивность», «безответственность» языка (и менталитета его носителей), который противопоставляется, в частности, «активному», «прогрессивному», «ответственному» и т. д. английскому языку (А. Вежицкая и др.). Такие конъюнктурные высказывания подвергаются обоснованной и справедливой критике в работах Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, З. Д. Поповой, З. К. Тарланова и многих других ведущих лингвистов.

Сопоставительные исследования грамматики языков показали, что сфера употребления актива и пассива в том или ином языке связана с его синтетическим или аналитическим строем, а не с «активностью» или «пассивностью» носителей этого языка. Так, установлено, что в современном английском языке пассив выполняет больше функций и поэтому более распространен, чем в русском, несмотря на то что во второй половине двадцатого века американцы приложили немало усилий, чтобы «изгнать» его из употребления. В русском официально-деловом стиле использование пассивных, безличных, определено-личных конструкций вместо личных активных поддерживается соблюдением *принципа скромности*. В английском языке сама возможность такого выбора отсутствует из-за тотальной подлежащности всех его предложений, и мы везде видим пишущее с прописной буквы *I* – «символ национального эгоизма» (по В. Хаферсу).

4. В заключение отметим, что под влиянием американского английского языка в условиях глобализации в практике русского делового общения наметилась тенденция к размыванию стилистической нормированности используемых лексических и грамматических языковых средств. Думается, что отказываться от соблюдения норм русского официально-делового стиля целесообразно только при общении с иностранными партнерами как на русском, так и на английском языке, поскольку эффективность межкультурного диалога в определенной степени зависит от знания и учета коммуникативных особенностей языка страны-адресата.

Состояние славянской филологии в университетах Западной Европы

А. Кречмер (A. Kretschmer)

Венский университет (Вена, Австрия) / Рурский университет Бохум (Бохум, Германия)

Славянская филология, кризис, сравнительный анализ

Аннотация. Анализ современного состояния университетского курса по специальности «Славянская филология» в странах Западной Европы.

В последние 20 лет все заметнее становится кризис славянской филологии как университетской специальности во все большем количестве западноевропейских университетов. До определенной степени процесс этот можно рассматривать как следствие кризиса экономического: при недостатке средств в первую очередь сворачивается финансирование гуманитарных, неутилитарных предметов. Еще одну причину можно усмотреть в последовательной американизации (т. е. утилитаризации) всей системы университетского образования, сужению академической и усилению практической его составляющих.

В центре внимания данного доклада актуальное состояние специальности «Славянская филология» в ряде стран Западной Европы – Германии, Швейцарии, Австрии, Италии и в скандинавских странах. С состоянием славянской филологии в университетах этих стран автор сообщения име-

ла возможность познакомиться лично, работая на соответствующих отделениях и кафедрах. Знание автором и систем преподавания славянской филологии в славянских странах дает возможность для дальнейшего сравнительного анализа.

В сообщении в первую очередь рассматриваются следующие вопросы:

- количественная характеристика дисциплины (как широко представлена славистика в университетах данной страны);
- качественная характеристика (репертуар представленных славянских языков и литератур);
- структура университетского курса;
- представленность страноведения, культурологии и истории в программе университетского курса.

В заключение будут кратко охарактеризованы перспективы славистики – как краткосрочные, так и долгосрочные.

Вклад И. И. Срезневского в изучение словенского языка

И. Д. Макарова-Томинец

Приморский университет (Копер, Словения)

Первые университетские слависты, словенская диалектология, классификация словенских диалектов, говоры Венецианской Словении

Аннотация. Славистическое наследие академика И. И. Срезневского представляет междисциплинарный, комплексный подход к изучению славянских языков и культур. Цель докладчика – представить ключевые аспекты представления и анализа словенского языкового материала в трудах ученого с учетом влияния, которое оказали его наблюдения и выводы на следующие поколения исследователей словенского языка.

Не уменьшая заслуг первых университетских славистов – О. М. Бодянского, П. И. Прейса, В. И. Григоровича – отметим, что именно вклад И. И. Срезневского в словенскую диалектологию и лингвогеографию следует признать поистине выдающимся. Его можно коротко охарактеризовать так:

- И. И. Срезневский первым осуществил целенаправленный сбор словенских наречий в целях научного описания и анализа;
- одним из первых предложил научную классификацию словенских наречий и говоров, учтенную при создании карты словенских наречий Франа Рамовша; при этом первоначальный перечень из 18 говоров в работе 1841 г. «О наречиях славянских» был сокращен до 8 главных словенских наречий в работе 1845 г. «Обозрение главных черт родства в славянских наречиях»: верхнекраинский, нижнекраинский, резьянский, словинский, зильский, забельский, штирийский, угро-штирийский;
- И. И. Срезневский верно выделил ключевые языковые особенности словенских наречий, заметил интеграционные процессы в центральнословенских разговорных формациях, предоставил научные объяснения уникального разнообразия словенских диалектов (редкое народонаселение, недостаточная развитость промышленности, горный рельеф, влияние разных языков и культур соседних народов);
- И. И. Срезневский откорректировал и дополнил известную карту славянского народонаселения П. Й. Шафарика (в части географического распространения славянских племен), в частности, добавлением области словинских говоров на территории венецианских словенцев; откорректировал также предложенную П. Й. Шафариком в «Славянском народописании» классификацию славянских наречий;
- из словенских диалектов особенное внимание И. И. Срезневским было уделено славянским говорам Венецианской Словении, фактически не исследованным и весьма любопытным в языковом отношении. Примечательно, что записки и наблюдения Срезневского о языке и нравах жителей Венецианской Словении, сделанные во время пу-

тешества Срезневского по славянским землям Австро-Венгрии, отправленные им современникам, европейским славистам П. Й. Шафарика и В. В. Ганке, были опубликованы последними в славистической периодике. В 1844 г. И. И. Срезневский также опубликовал работу «Фриульские славяне». В позднейшем издании он наряду с собственными материалами представил отчет о 3-х книгах своего ученика, И. А. Бодуэна де Куртенэ, вышедших позднее, которые были также посвящены языку и нравам Венецианской Словении.

Следующим этапом в развитии славянской лингвистической географии и диалектологии явились многолетние исследования словенских – резьянских говоров учеником И. И. Срезневского И. А. Бодуэном де Куртенэ, который на основании полученных данных подготовил большое количество материалов (опубликованных и неопубликованных), защитил докторскую диссертацию «Опыт фонетики резьянских говоров» (1875). Указанная работа явилась первым опытом монографии по славянской диалектологии, а также первым опытом фонологического описания отдельного славянского диалекта.

Работы И. А. Бодуэна де Куртенэ по резьянским говорам отличаются полнотой и достоверностью фактического материала, что делает их исключительно ценным вкладом в словенскую диалектологию (выделение простых прошедших времен, выделение редкого для славянских диалектов явления вокальной сингармонии). Однако изолированное рассмотрение резьянских наречий в отрыве от остальных словенских диалектов привело И. А. Бодуэна де Куртенэ к ошибочному выводу о смешанном, «славянско-туранском» происхождении резьянских говоров.

Вклад обоих ученых, – И. И. Срезневского и И. А. Бодуэна де Куртенэ – в словенскую диалектологию и лингвистическую географию следует признать выдающимся. При этом важно отметить, что работы каждого ученого, с учетом их принадлежности к различным поколениям российских славистов, были сделаны в соответствии с общим духом времени и уровнем развития славяноведения соответствующего периода.

Так для И. И. Срезневского характерен синкретизм, широкое понимание предмета славянской филологии, энциклопедический подход, видение предмета исследования в целом, что выразилось в том, что ему удалось создать удачную классификацию словенских диалектов, учтенную и в современной словенской диалектологии.

Для И. А. Бодуэна де Куртенэ характерно углубленное «внутриязыковое» изучение отдельного славянского наречия в виде блестящего лингвистического исследования, результаты которого оказались важными не только для словенской диалектологии, но для развития всей отрасли языкознания в целом.

Литература

- Бодуэн де Куртенэ И. А.* Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава; Петербург, 1875.
Бодуэн де Куртенэ И. А. Резьянский катехизис как приложение к опыту фонетики резьянских говоров с примечаниями и словарем. Варшава; Петербург, 1875.

- Бодуэн де Куртенэ И. А.* Резья и резьяне // Славянский сборник. Т. III. Отд. 1. СПб., 1876. С. 223–371.
Срезневский И. И. О наречиях славянских // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1841. Ч. 31. С. 133–164.
Срезневский И. И. Обзорные главные черты сродства в наречиях славянских // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. 1845. № 9.
Срезневский И. И. Фриульские славяне // Славянский сборник Т. III. Отд. 1. СПб., 1876. С. 223–371.
Срезневский И. И. Рецензии на труды Бодуэна «Опыт фонетики резьянских говоров», 1875; «Резьянский катехизис», 1875; «Резья и резьяне», 1876 // Приложения к XXXVIII тому Записок Императорской Академии наук. СПб. 1881. № 4. С. 33–56.
Толстой Н. И. О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку // И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). Академия наук СССР. Институт славяноведения. М., 1960. С. 67–81.
F. Ramovš. Dialektološka karta slovenskega jezika. Ljubljana, 1931.
F. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika. Knj. VII. Dialekti. Ljubljana, 1935, str. XXIII, XXIV, 31, 32.

Русский язык в образовательном пространстве Армении

Л. Б. Матевосян

Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Двуязычие, координативный статус

Аннотация. Армяне связали свою судьбу с русским народом почти два века назад. Вхождение Армении в состав Российской Империи, а затем равноправное существование в составе СССР определило ее социально-экономическое и культурное развитие. В школах и вузах страны обучение русскому языку как неродному и сегодня продолжает оставаться обязательным.

Условия функционирования и уровень владения русским языком в Армении имели и имеют ряд специфических черт, ибо национальный состав Армении был и остается однородным и большинство населения считало и считает своим родным языком армянский. И сегодня значительная часть армян уже независимой Армении – носители «координативного» армяно-русского двуязычия.

Началом становления русистики в Армении следует считать год 1938. Год, когда в стенах Ереванского государственного университета на филологическом факультете открылось отделение русского языка и литературы и была создана кафедра русского языка.

Сегодня основные направления работы практически всех кафедр – это проблемы теории и практики преподавания русского языка, изучение грамматического строя языка, так как методические приемы в значительной степени определяются содержанием обучения, т. е. характером языка и изучаемого материала.

Русистов Армении всегда интересовала проблема взаимодействия языков – армяно-русское двуязычие, проблема взаимодействия культуры, ибо изучение языка, усвоение его лексики и грамматики неразрывно связано с изучением культуры народа.

В центре внимания русистов страны была и остается проблема обучения русскому языку – содержание, методы и технологии обучения. И как следствие – создавались и создаются учебники и учебные пособия для школьников и студентов с учетом особенностей родного языка и родной культуры. Так что школьники и студенты Армении сегодня изучают русский язык по учебникам, написанным авторскими коллективами русистов-армян.

Русисты Армении обогатили лексикографический фонд русского языка двуязычными – армяно-русскими, русско-армянскими – словарями, а также учебными словарями разных типов.

Русский язык в Армении сегодня хотя и назван в ряду иностранных языков, продолжает оставаться первым среди равных, ибо есть мотивация: Россия была и остается пока самой печатающей и переводящей страной, наши библиотеки пока лучше укомплектованы литературой на русском языке, армянская диаспора России насчитывает около двух миллионов армян. Так что реальный статус русского языка в Армении гораздо выше его правового статуса. Об этом говорят и цифры: сегодня русские составляют приблизительно 1% населения Армении (Армения всегда была мононациональной республикой), число же владеющих русским языком – примерно 70% (данные МИД РФ).

Дмитрий Чижевский и актуальность его наследия

Р. Мних

Подляска Академия (Седльце, Польша)

Дмитрий Чижевский, интердисциплинарность, духовная история славян

1. Среди тех философов, филологов и культурологов XX в., которые непосредственно занимались проблемами духовной истории славян и проблемами связей филологии с историей, этнографией, антропологией, Дмитрий Чижевский (1894–1977) и сегодня остается во многих отношениях личностью, так сказать, terra incognita. Ситуацию эту не очень изменило издание материалов к его биографии [Чижевский 2007], которые только свидетельствуют об огромной эрудиции и творческой активности Д. Чижевского, но не дают представления о сути проповедуемых этим универсальным ученым идей. Одной из причин того, что тексты Д. Чижевского до сих пор не переизданы, является интердисциплинарный характер творчества ученого, чрезвычайная семантическая насыщенность его текстов, усложняющая проблемы комментирования, проверки сносок, объяснения стилистических и символических аллюзий.

2. В свое время этот энциклопедический ученый был легендарной личностью, по словам Анджея де Винченца, признанным «папой» немецкой славистики (см. в [Vincenz 1978]: «dlugoletni “papież” slawistyki niemieckiej»). В этом же аспекте ср. характеристику Д. Чижевского в книге Тадеуша Врублевского о немецкой славистике: «...jeden z najbardziej znanych slawistów zachodniopiemieckich i jednocześnie najbardziej wszechstronnych, obejmujący swymi zainteresowaniami i pracami szeroki krąg zagadnień życia duchowego Słowiańszczyzny» [Wróblewski 1973: 29]. Мнением Дмитрия Чижевского слависты прошлого столетия очень дорожили, его рецензий и критических выступлений порою просто боялись. Д. Чижевский принадлежал к тем литературоведам XX в., которые по-особому интерпретировали и оценивали наследие прошлого и для которых каждая эпоха европейской культуры обладала своей неповторимой аурой. Именно

в этом смысле Д. Чижевский открывал и изучал памятники европейского барокко, соединяя при этом немецкую педантичность в работе с текстами и новейшие веяния в немецкой филологической и философской мысли. Уже сам перечень монографических исследований Дмитрия Чижевского, появившихся в виде отдельных книг, свидетельствует о незаурядности таланта и работоспособности этого ученого: «История украинской философии», «История литературы Киевской Руси», «История украинской литературы», «Гегель в России», два тома «Сравнительной истории славянских литератур», два тома «Истории русской литературы XIX века», два тома «Духовной истории России», «Философия Григория Сковороды», а кроме того – сотни и сотни статей на самые разные философские и литературоведческие темы, рецензии, комментарии. Тематика интересов Дмитрия Чижевского объединяет очень широкий круг проблем: от астрономии и астрологии до этики и эстетики, философии тождества, теории литературных влияний, общих проблем поэтического языка.

3. Среди такого разнообразия научных исследований Дмитрия Чижевского три аспекта обращают на себя отдельное внимание, являясь при этом особо актуальными при современном состоянии славянского литературоведения. Во-первых, это вопрос о связях филологии и философии в европейской культуре XX в. Раннее творчество Д. Чижевского как ученика Э. Гуссерля (публикации ученого 1921–1939 гг.) представляет собой блестящий пример таких связей. В работах этого периода затрагиваются существеннейшие философские вопросы, как например, проблема формальной этики, разрешение которых ученый предлагает в пределах интерпретаций художественных произведений (творчество Ф. Достоевского, прежде всего). В этом контексте мысли Дмитрия Чижевского перекликаются с идеями немецкого феноменолога Макса Шелера, с текстами молодого Михаила Бахтина и работами Эрнста Кассирера (см.: [Mnich 2005], [Mnich 2007]).

4. Второй чрезвычайно интересный и актуальный аспект – это публикации Дмитрия Чижевского, представляющие новые интерпретации классических произведений славянских писателей и поэтов: от Яна Амоса Коменского и Григория Сковороды до Николая Гоголя, Андрея Белого и Василия Розанова. Идеи Д. Чижевского о новаторстве Андрея Белого или о специфике творчества Василия Розанова в контексте общей концепции славянского модернизма являются чрез-

вычайно плодотворными и позволяют по-новому интерпретировать уже известные факты и произведения, в новом символическом и семантическом ключе и контексте.

5. Наконец, третий аспект – это публикации Д. Чижевского о влиянии немецкой мистики на духовную жизнь Украины и России в XVII–XVIII вв. Немецкая мистика была областью специальных интересов ученого, он занимался проблемами мистики и влияния немецкой мистики на духовную жизнь славян в течение всей своей жизни, планировал написать об этом специальную книгу. Мистика интересовала Д. Чижевского в разных измерениях: и как еретические влияния внутри традиционных христианских конфессий, и как неповторимый индивидуальный духовный опыт отдельных писателей и поэтов (Григорий Сковорода или Николай Гоголь), и как способ интерпретации литературных текстов.

6. Обозначенные три аспекта в основном и определяют актуальность творческого наследия Дмитрия Чижевского для сегодняшних филологов и культурологов. Внимательное чтение текстов этого ученого свидетельствует о том, что Д. Чижевский часто оказывался предвестником многих современных литературоведческих стратегий и методологий, таких, например, как всевозможные виды интертекстуальной или интермедиальной интерпретации литературного произведения.

7. В русле таких размышлений весьма важной задачей сегодняшнего поколения филологов и философов является изучение текстов Дмитрия Чижевского, их комментирование и исправление ошибок в его публикациях, а в итоге – издание хотя бы в минимально необходимом объеме наследия этого универсального ученого-слависта.

Литература

- Чижевский Д. И. Избранное: В 3 т. Том 1. Материалы к биографии (1894–1977). М., 2007.
- Mnich R. Ernst Cassirer and Dmytro Chyzyhevsky: An Instance of Cassirer's Reception among the Slavs // *Jurnal of Ukrainian Studies*. 2007. Volume 32. Number 2. P. 21–32.
- Mnich R. Этика творчества и эстетика символа в осмыслении Дмитрия Чижевского // *Literatura – Mit – Sacrum – Kultura* / Red. M. Cymborska-Leboda. Lublin, 2005. С. 109–118.
- Vincenz A., de. Dmytro Czyżewski // *Kultura*. Nr. 5 / 368. Paris, 1978. S. 83–92.
- Wróblewski T. S. Sławistyka w NRD i w NRF na tle jej historycznego rozwoju. Poznań, 1973. S. 29.

Отражение этнокультурного сознания в условиях двуязычия

А. А. Орешникова

Даугавпилсский университет (Даугавпилс, Латвия)

Концепт, аксиологичность, слово-ассоциация, «дуб»

Аннотация. Исследование посвящено специфике отражения концептов *дуб* и *ozols* в языковом сознании русских и латышей (на основе ассоциативного эксперимента). С помощью эксперимента предпринята попытка выявить и описать аксиологические характеристики концептов *дуб* и *ozols* в русском и латышском языках. В ходе эксперимента выявлены сходства и различия в языковом сознании русских и латышей. В языковом сознании носителей латышского языка *ozols* отмечен только положительными оценочными коннотациями. В языковом сознании носителей русского языка концепт *дуб* является оценочно амбивалентным.

Исследование этнокультурной специфики языкового сознания является актуальным в современной лингвистике и находит отражение в научных трудах Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, А. А. Залевской, Ю. Н. Караулова, В. А. Масловой, Ю. А. Сорокина, Ю. С. Степанова, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, А. Д. Шмелева и др. Предметом данного исследования является специфика отражения концептов *дуб* и *ozols* в языковом сознании русских и латышей. Цель эксперимента – выявить аксиологические характеристики исследуемых концептов. Как известно, ядро вербально выраженного концепта включает определение слова в толковых словарях, а также иерархию основных значений слова. Согласно данным толкового словаря, *дуб* – «1. Крупное листовое дерево сем. буковых, с плотной древесной, имеющее плоды – желуди. 2. Древесина этого дерева. 3. Тупой, глупый, упрямый человек» [МАС 1981: 450]. Согласно толковому словарю латышского литературного языка *ozols* – «1. Ozolu dzimtas koks, retāk krūms ar tumši pelēku, krevelainu mizu, plūksnaini daivainām lapām, sikiem viendzimuma ziediem un augli – zīli. 2. Augu dzimta, pie kuras pieder vasarzaļi vai mūžzaļi vienmājas koki, retāk krūmi ar viendzimuma ziediem» [LLV 1986: 76]. Основное значение

тракуется в известной степени идентично, однако только в русском языке в переносном значении актуализируется сема твердости – *тупой, глупый, упрямый* (ср.: *дуб* – это человек с слишком прямым, негибким мышлением, без эмоций, не понимающий и не чувствующий).

Аксиологичность концепта проявляется также в единицах вторичной номинации (ср.: *дать дуба, дуб дубом, туп как дуб*). Дифференциальный признак тупости широко отражен в «Русском ассоциативном словаре» [РАС 2002] на словестимул *дуб* (ср.: *дуб – безмозглый, дубина, пустоголовый, балбес, тупой, баран, бестолковый, болван, дебил, дурак, дурень, неотесанный, тупица, чурбан*). Национально-культурная специфика концепта *ozols* также находит отражение во фразеологических единицах. «Latviešu frazeoloģijas vārdnīca» представляет фразеологизм *kā ozols*. «Kā ozols. Saka par stipru, spēcīgu, staltu vīrieti» [LFV 1990: 74]. Комплекс сем *stiprs* «крепкий», *spēcīgs* «сильный», *stalts* «статный» характеризуется позитивно-оценочными коннотациями. Показательно то, что в качестве примера в латышском словаре приводятся сравнения лиц мужского пола с дубом (*vīrs kā ozols* «мужчина как дуб», *puīši kā ozoli* «мальчики как дубы», *dēls kā ozols* «сын как дуб»).

Материал для исследования был получен в результате проведения ассоциативного эксперимента. Анкетирование проводилось в 2008 г. в городе Даугавпилсе (Латвия) среди носителей русского и латышского языков. В эксперименте приняло участие 200 старшеклассников (100 учащихся русской школы и 100 учащихся латышской школы). В качестве слов-стимулов выступали слова *dub* и *ozols*.

В результате проведенного эксперимента было получено 168 реакций (83 у носителей русского языка и 85 у носителей латышского языка).

Негативные оценочные характеристики нашли отражение у русских респондентов (54 реакции). Ср.: *тупой* (26), *глупый* (9), *дурак* (6), *дебил* (3), *идиот* (2), *неумный* (2), *кретин* (1), *слабоумный* (1), *дубоголовый* (1), *Буратино* (1), *человек, до которого ничего не доходит* (1). Одновременно в русском языковом сознании отражаются позитивно-оценочные характеристики, связанные с прецедентными текстами (ср.: *Лукоморье, кот ученый, золотая цепь, Пушкин, Дубровский*).

В латышском языковом сознании *ozols* ассоциируется с мужественностью, в связи с этим появляются такие слова-ассоциации, как *vīrietis* «мужчина» (5), *vīrs* «муж, мужчина» (2), *vīrišķība* «мужество» (3), *jauneklis* «юноша» (1), *zēns* «мальчик» (1), *stiprs cilvēks (vīrs)* «сильный человек, мужчина» (1).

Дуб является символом Латвии и находит отражение в различных знаковых системах: языке, геральдике (на Государственном гербе Латвии, на гербах городов Кандава, Талси, Виесте, Вольмар – Валмиера, 1788, Мадлиенской волости), нумизматике (на 5 и 20-латовой денежной купюре), филателии (в 2005 году вышла марка с фотографией дуба). В этой связи в обоих группах появляются такие слова-ассоциации, как *Латвия* (4) – *Latvija* (4), *Līgo* (2) – *народный праздник Луго* (2), *Национальное дерево Латвии* (1) – *Latvijas nacionālais koks* (1), *5 латов* (2) – *5 lati* (2), *деньги* (1) – *nauda* (2). Только у латышских школьников присутствуют следующие ассоциации: *Latvijas gods* «честь Латвии» (1),

Latvijas lepnums «гордость Латвии» (1), *Jāņi* «Янов день» (3), *vainags* «венюк» (2), *tautas dziesmas* «народные песни» (2), *senči* «предки» (2), *vēsture* «история» (2), *vara* «власть» (3), *varenuma simbols* «символ власти» (1), *Vaira Viķe-Freiberga* «экс-президент Латвии» (1), *Zatlers* «президент Латвии» (1). На распространенность фамилии *Ozols* в Латвии указывают следующие ассоциации латышских респондентов: *mans uzvārds* «моя фамилия» (1), *māsas vīra uzvārds* «фамилия мужа сестры» (1). Ассоциации *dziedātājs* «певец» (7), *reperis* «репер» (5) отражают популярность в молодежной среде певца по фамилии *Ozols*.

Следует отметить, что ряд полученных реакций русских и латышей совпадает или почти совпадает: *дерево* (50) – *koks* (50), *могучий* (15) – *varens* (11), *сильный* (13) – *stiprs* (12), *сила* (12) – *spēks* (23), *большой* (11) – *liels* (13), *железду* (11) – *zīles* (17), *листья* (8) – *lapas* (6), *зеленый* (5) – *zaļš* (3), что указывает на идентичное позитивно-оценочное восприятие концепта.

В ходе эксперимента выявлены сходства и различия в языковом сознании русских и латышей. В языковом сознании носителей латышского языка *ozols* отмечен только положительными коннотациями: *stiprs* «сильный», *liels* «большой», *dižs* «великий», *vīrišķība* «мужественность». В языковом сознании носителей русского языка концепт *дуб* является оценочно амбивалентным: *большой, могучий, крепкий и тупой человек, глупый человек, дурак*.

Литература

- Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981 (= МАС).
 Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь. Т. 1. От стимула к реакции. М., 2002 (= РАС).
 Laua A., Ezeriņa A., Veinberga S. Latviešu frazeoloģijas vārdnīca. Rīga, 1990 (= LFV).
 Latviešu literārās vārdnīca. (8 sējums). 61. sējums. Ņ–P. Rīga, 1986 (= LLV).

Социолингвистический профиль украинского литературного языка как исследовательская проблема

О. А. Остапчук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Социолингвистика, украинский литературный язык, языковая ситуация, статус языка, языковая норма, двуязычие, социальная дифференциация

Аннотация. Рассматриваются различные аспекты функционирования современного украинского литературного языка, существенные для определения его социолингвистического профиля.

В современной украинистике социолингвистические исследования относятся к числу наиболее популярных. Причины этого кроются в самой специфике украинской языковой ситуации. Ярко выраженная национальная ориентация исследований проявляется прежде всего в иерархии проблем, актуальных для украинского коммуникативного общества на данном этапе развития.

Без преувеличения наибольшее внимание ученых уже традиционно привлекает проблема русско-украинского двуязычия. Такая ориентация социолингвистических исследований сложилась еще в советское время и обусловлена фактическим сохранением на Украине ситуации конкурирования украинского и русского языков. Фактическое двуязычие при декларативном доминировании украинского языка предопределяет своеобразную иерархию признаков, существенных для определения социолингвистического профиля языка (ср. [Horvath 1991: 5]). Для современного украинского языка наиболее важными оказываются такие характеристики (в порядке приоритетной значимости):

1. Отношение к другим языкам, присутствующим в коммуникативном пространстве, в данном случае прежде всего к русскому. Украинский язык, *de jure* являющийся единственным государственным (с 1989), *de facto* конкурирует в национальном коммуникативном пространстве с русским языком. Соотношение декларативных статусов языков и фактического состояния является постоянным источником напряженности, что приводит, с одной стороны, к попыткам закрепления русского языка как официального на региональном уровне, а с другой стороны – к усилиям по упрочению фактических позиций украинского языка. В настоящий момент признанию украинского языком полного террито-

риального и этнического распространения (по терминологии О. Ткаченко) препятствует ограниченность его функционирования в ряде географических регионов страны (в том числе на юге и востоке), а также в некоторых социальных сферах (несмотря на целый ряд изменений деление на «украиноязычную» деревню и местечко и «русскоязычный город», особенно на Восточной Украине, остается актуальным).

2. Социальная оценка, т. е. статус языка в сознании говорящих. Как показывают последние опросы общественного мнения, в том числе в столице Украины – Киеве, наметилась определенная тенденция к повышению престижности украинского языка в сознании говорящих, а также к снижению уровня конфликтности в отношениях украинско- и русскоговорящих.

3. Набор функций, которые обслуживает литературный язык. К числу важнейших функций традиционно причисляют функции официального (государственного) языка, языка образования и высокой культуры. Однако, как показывают исследования современной украинской языковой ситуации (см. работы Л. Масенко, напр. [Масенко 1999]), гораздо более важными оказываются функции разговорного языка в разных возрастных категориях говорящих (важно для признания языка языком полного этнического распространения), а также распространенность в средствах массовой информации и функционирование в массовой культуре. Названные сферы коммуникации до последнего времени обслуживались преимущественно русским языком, лишь совсем недавно начали действовать законы о переводе русскоязычных фильмов, которые демонстрируются на Украине, на украинский язык. Весьма распространенной является также практика параллельного использования украинского

и русского языков телеведущими, комментаторами спортивных программ и под.

4. Историческая обусловленность языковых процессов. Диахронический подход к прояснению реальной картины становления литературного языка предполагает в том числе анализ языковой политики в разные периоды его развития, определившей условия коммуникативного развития языка и национальной письменной традиции.

5. Характер кодификации и наличие символической связи с национальной идентичностью. Общеизвестно, что украинский литературный стандарт в основных своих чертах окончательно сформировался к 1920-м гг. Однако специфический характер украинской кодификации (предшествование текстовой кодификации другим ее видам, разрыв традиции в национальной кодификации в советское время и ее возрождение на современном этапе) создает определенное несоответствие принципов теоретической, в том числе словарной, кодификации и их практической реализации в узусе, что делает чрезвычайно актуальной проблему культуры речи. Чрезвычайно острым является также обсуждение смежной проблемы – русско-украинской интерференции и суржика.

6. Соотношение литературного стандарта и других форм существования национального языка. В современной науке своеобразному переосмыслению подвергаются взаимоотношения социолингвистики с этнолингвистикой, диалектологией и лингвогеографией. Помимо привлечения частных социолингвистических методов к анализу современного состояния говоров, это предполагает изучение географических вариаций национального языка. Для украинского языка это означает пристальное внимание к вариативности нормы в ее исторической динамике на Западе и Востоке страны. Особый случай представляет анализ языка украинской диаспоры.

7. Специфика социальной дифференциации языка. В стоящий момент большинство исследователей украинской языковой ситуации вынуждены констатировать отсутствие ряда коммуникативно значимых стратов, необходимых для полноценного развития языка, в том числе молодежного сленга и просторечия. Исследование профессионально и социально ограниченных подсистем украинского языка осложняется интенсивным процессом русско-украинской интерференции во всех функциональных подсистемах языка. Этот процесс фиксируют, в частности, современные словари жаргона (напр., Л. Ставицкой).

Литература

- Ажнюк Б. Мовна єдність нації: діаспора й Україна. Київ, 1999.
- Крысин Л. П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике // Русистика. Берлин. 1992. № 2. С. 96–106.
- Масенко Л. Мова і політика. Київ, 1999.
- Останчук О. А. Социолингвистический метод в диалектологических исследованиях (ситуация говора языкового меньшинства) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 9. Методы изучения территориальных и социальных диалектов. К итогам опыта славянской диалектологии XX в. М., 2004. С. 32–45.
- Останчук О. А. Язык и идентичность в ситуации полилингвизма: Правобережная Украина в первой половине XIX в. // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 227–253.
- Ткаченко О. Соціолінгвістична класифікація мов світу і місце української мови в ній // Ткаченко О. Українська мова і мовне життя світу. Київ, 2004. С. 60–106.
- Horvath Barbara M. Community Language // A Handbook: studies of Languages in Predominantly English-Speaking Countries / Barbara M. Horvath and Paul Vaughan (Multilingual matters 67). Clevedon, 1991.

Речевая культура журналиста в условиях двуязычия

О. М. Самусевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Языковая ситуация, двуязычие, речевая культура, речемыслительная деятельность, язык СМИ

Аннотация. Языковая ситуация в Республике Беларусь является фактором, не только влияющим на языковую политику СМИ, но и формирующим речемыслительную культуру журналиста.

Языковая ситуация, сложившаяся в Беларуси, является в определенной степени уникальной. Государственный билингвизм с функциональным доминированием русского языка являет собой особенность развития белорусского общества. Как, впрочем, и средств массовой коммуникации. Практически все республиканские СМИ наглядно отражают бинальное функционирование родного и русского языков на территории нашей страны.

Однако двуязычие представляет очевидную опасность: широко распространенной становится интерференция, ее проявление – одна из причин падения речевой культуры. Ситуация осложняется и тем, что при близком родстве языков их взаимопроникновения более интенсивны и глубоки, нежели при генетической языковой отдаленности.

В настоящее время с расширением сети электронных масс-медиа и ростом их роли в общественной жизни речевое поведение журналиста и его текстовая деятельность требуют тщательного изучения. Одним из основных вопросов национального телевидения является выбор языка телевидения. На БТ используются белорусский и русский языки, иногда даже в формате одной передачи. Результатом такой речевой ситуации стало субординативное двуязычие, когда доминантный язык формирует определенную модель речемыслительной деятельности, порождая тем самым большое количество ортологических отклонений.

Телевидение отличается своей устной формой трансляции, приближенной к ситуации естественного речевого общения. Для тележурналиста особенно «сложным» в достижении языкового динамизма с употреблением наименьшего количества общих фраз и интерферем становится прямой эфир. Общеизвестно, фонетические и интонационные навыки речи являются наиболее автоматизированными и потому устойчивыми. Они с трудом поддаются самоконтролю и сознательному исправлению. Основным недостатком речи тележурналистов, среди которых чаще встречаются носители смешанного двуязычия, является наличие русских орфо-

эпических норм в их белорусской речи, русских синтаксических конструкций, лексических русизмов.

В условиях исторически обусловленного интерферентного влияния родного языка на русский закономерными являются и изменения в речевой организации журналистского текста – в частности, в соотношении разговорной и книжной лексики. Современная литературная форма белорусского языка органично сочетает книжный и разговорный элементы, тогда как в основе русского литературного языка лежит книжно-письменная традиция с доминированием книжного элемента. Исследователями отмечен интересный факт: традиция формирования белорусского литературного языка – литературно-разговорная – проецируется на речевую парадигму современного русского языка [Іўчанкаў 2007: 226]. Равномерное и равноправное сосуществование книжной и разговорной лексики в литературной речи обусловлено языковой ситуацией в Республике Беларусь. Речемыслительные традиции белорусов предопределили и то обстоятельство, что русскоязычные журналисты подсознательно включают в тексты белорусских СМИ оптимальное количество устного и письменного элементов при условии максимальной передачи смысла и восприятия информации. В русском языке достижения соразмерности устного и письменного элементов традиционных СМИ только ожидается.

Отмеченные особенности языковой ситуации в Республике Беларусь отражают закономерности функционирования языка как социального явления. В то же время нельзя не отметить и значение интралингвистических причин формирования определенных традиций речевой практики. Например, стремление белорусской речи к семантической емкости нашло отражение в действии теории семантической конденсации: у белорусов есть слова *падаючая* (падающая) и *зорка* (звезда), но в речевой практике падающая звезда – *знічка*. Культуроспецифичность языкового знака определяет необходимость осторожного включения русского элемента в белорусские тексты СМИ. При несоблюдении условия нацио-

нально-культурного соответствия речевой единицы может возникнуть противоречие между мышлением и речью, что приведет либо к кодированию информации, либо к трансформации национальной модели речемыслительной деятельности.

Таким образом, язык СМИ является важнейшим фактором формирования речевой культуры. Речь, адресованная многомиллионной аудитории, в значительной степени влияет на речемыслительную деятельность человека, формирует его

языковой вкус, что в условиях двуязычия приводит к синкретизму культурных и этнопсихологических ценностей белорусского общества.

Литература

Іўчанкаў В. Сучасная журналістыка: творчы заняпад ці пошукі творчасці? Анталогія – праблематыка – перспектывы // Журналістыка – 2007: надзённыя праблемы. Перспектывы. Матэрыялы 9-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Вып. 9 / Рэдкал.: С. В. Дубовік (адк. рэд.) і інш. Мінск, 2007.

Общество Словения-Россия и межкультурное сотрудничество между народами Словении и России

А. Сказа

Društvo Slovenija-Rusija / Общество Словения-Россия (Любляна, Словения)

Общество, другой, культура, сотрудничество, глобализация

Аннотация. Доклад указывает на идейные предпосылки и основанные на них направления деятельности Общества Словения-Россия, которыми общество пытается способствовать добровольному объединению людей доброй воли, углублению и расширению сотрудничества между народами Словении и России – как на уровне индивидуальных контактов, так и между культурными, научными и общественными учреждениями и организациями в эпоху глобализации.

Общество Словения-Россия является неполитическим добровольным объединением людей доброй воли. Деятельность Общества направлена на углубление взаимопонимания и расширение сотрудничества между народами Словении и России – как на уровне индивидуальных контактов, так и в области культуры в широком смысле, т. е. в области искусства, науки и духовно-этического компонента религиозной жизни. В области социально-прагматических отношений и мероприятий Общество выступает лишь в роли ненавязчивого инициатора. Оно в некоторых ситуациях – возможно, в большей степени, чем другие организации, – осознает актуальность определенных проблем в отношениях между Словенией и Россией, однако не вмешивается в решение этих проблем, понимая, что главное слово принадлежит компетентным общественно-политическим факторам.

Своеобразной эмблемой, наиболее ярким символическим обозначением значения Общества, его деятельности и его гуманных целей является Русская часовня под перевалом Вршич в Альпах, построенная в память о русских военнопленных, погибших под снежной лавиной при строительстве горной дороги через перевал в 1916 г. Русская часовня под Вршичем стала для Общества Словения-Россия и для более широких общественных кругов в Словении, местом поминовения пострадавших в Первой мировой войне и живым предупреждением о том, что с потерей уважения к другому человеку – к его жизни и его жизненным ценностям – человек теряет и смысл своего существования. Общество Словения-Россия, исходя из такой идейной предпосылки, уделяет в своей деятельности первостепенное внимание проблемам сосуществования искусства, науки и религиозной духовности в современной культуре России. Современная Россия дает нам возможность понять, как тысячелетняя история русской культуры шаг за шагом готовила возникновение и расцвет на национально-этнической основе вначале тоталитарного сознания, а затем и тоталитарного государства, но также и то (что намного важнее), как в русской культуре

вызревало зерно свободомыслия и протеста. Внимательно следя за развитием современной культуры России, где впервые за всю историю получил право на существование социокультурный плюрализм, несмотря на кажущиеся непреодолимые проблемы неокapитализма и на все еще не побежденные остатки тоталитарного менталитета, мы, глядя «поверх барьеров», лучше понимаем место и роль России и ее культуры в современном мире глобализации. На такой основе, по мнению Общества Словения-Россия, рождаются реальные возможности взаимопонимания и плодотворного сотрудничества между народами Словении и России не только в области культуры.

Свои идейные предпосылки и основанные на них направления деятельности Общество Словения-Россия пытается реализовать с учетом плюрализма мышления и разнообразия интересов своих членов. В Обществе сформированы рабочие группы, занимающиеся различными сферами деятельности. В рамках Общества существуют секции, занимающиеся организацией и проведением мероприятий в области культуры, торжественных встреч (ежегодные встречи у Русской часовни под Вршичем и различные мероприятия, посвященные памяти и празднованию общественных и исторических событий и юбилеев), секции работы с молодежью и установления связей с русскими, живущими в Словении. Общество посвящает внимание и деятельности секций по организации экскурсий в Россию, по формированию филиалов Общества в Словении и России, а также отношений с общественностью (как в широком смысле, так и с соответствующими организациями и учреждениями в Словении и России, а также со спонсорами).

Гуманистическая направленность и разнообразная деятельность открывают перед Обществом Словения-Россия (будем надеяться) новые реальные возможности дальнейшего развития взаимопонимания и сотрудничества между народами и культурами Словении и России – поверх барьеров, существующих в период глобализации, как сказал бы великий поэт России Борис Пастернак.

Роль балтийского региона в русско-немецких языковых контактах эпохи Ганзы

Е. Р. Сквайрс

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Языковые контакты, история языка, грамоты

Аннотация. История связей Новгорода с немецкими городами Ганзы представляет интересный материал для изучения контакта их языков и культур, центром которого являлась Ливония. Непосредственными проводниками языкового влияния были переводчики Ганзы – балты, владевшие нижненемецким и древнерусским. Влияние древнерусского на нижненемецкий язык Ганзы коснулось структуры текста грамот, состава формул, системных аспектов (сочетаемости, синтаксической валентности, грамматических характеристик нижненемецких слов).

Более чем трехвековая история торговых и дипломатических отношений Новгорода Великого с немецкими городами-членами Ганзейского союза оставила значительный корпус письменных источников, не только подробно документирующих бурные международные события в Восточной Балтике в XIII–XVI вв., но и представляющих интересный и ценный материал для изучения контактов и взаимодействия языков и культур.

Особенность социолингвистической ситуации, в которой протекали контакты, определялась ведущей ролью торговых интересов, обеспечивающей преодоление правовых и религиозных различий и установление успешной языковой коммуникации. Сохранившиеся письменные свидетельства относятся к сфере официальных отношений и в жанровом отношении характеризуются как тексты официально-делового стиля: это двусторонние договоры, деловая переписка,

отчеты посольств, правовые документы, регулирующие деятельность ганзейского Петрова подворья в Новгороде (его устав – Новгородская скра).

Языковые контакты в Новгороде устанавливались в условиях изначального отсутствия общего языка для переговоров: почти исключительно латинскому узусу канцелярий ганзейских городов в начале XIII в. противостояла чисто славянская функциональная парадигма письменных форм Новгорода. В этих условиях преодоление языкового барьера взяла на себя ганзейская сторона. Ранний переход на нижненемецкий и последовательные меры к овладению древнерусским языком, с одной стороны, и полная языковая изоляция западных конкурентов Ганзы (не допускавшихся к овладению русским языком), с другой, обеспечили ей контроль над торговлей Европы с Северной Русью. Социальным носителем языковых и культурных контактов было купечество и городские элиты обеих сторон, непосредственными же проводниками языкового влияния стали переводчики Ганзы, через которых велись устные переговоры на

древнерусском языке и осуществлялся письменный перевод с нижненемецкого на древнерусский и наоборот.

Управление восточнобалтийской ганзейской торговлей с конца XIII в. находилось в руках ливонских городов: Ревеля (Кольвани), Риги и Дерпта (Юрьева). Отсюда же происходили и профессиональные переводчики; по данным источников большинство из них были балтами, владевшими как нижненемецким, так и древнерусским языками. Таким образом, балтийский регион (ганзейские города Ливонии) является не только географическим, но и коммуникативным центром русско-нижненемецких связей этой эпохи.

Большую часть русско-ганзейского корпуса составляют нижненемецкие тексты, составленные под влиянием древнерусского оригинала (переводные договоры и русские письма) или в лингвопрагматическом плане ориентированные на русского партнера (проекты договоров и письма Ганзы Новгороду). Структуру письменной традиции ганзейско-новгородских правовых актов можно показать на примере договора Новгорода с ганзейскими городами 1392 г. (Нибуров мир):

Этапы		Материал	Язык	Форма заверения	Провенанс	
0	[Проект договора / посольская грамота]		[др.-русс.] [нем. / лат.]			
I	Оригинал договора	перг.	др.-русс.	печати	Новгород	
		перг.	др.-русс.	печати	Висби	
II	Древнерусские списки	L	перг.	др.-русс.	б / печатей	Любек
		[R]	перг.	др.-русс.		Ревель / Рига
		Б		др.-русс.		
III	Переводы на нижненемецкий	L	бумага	нижнем.	б / печатей	Любек
		R1	бумага	нижнем.	б / печатей	Ревель
		R2	перг.	нижнем.	б / печатей	Ревель
		L2	перг.	нижнем.	б / печатей	Любек
IV	Список L в протоколе ганзейского съезда в Дерпте	R		нижнем.		[Дерпт]

Из примера видно соотношение русских и переводных (нижненемецких) текстов, а также роль городов Балтии в коммуникации.

Контактное воздействие наблюдается в обоих направлениях, однако в большей степени выражено древнерусское влияние на средненижненемецкий язык ганзейских инстанций, в которых в его результате развивается модифицированный вариант канцелярского правового узуса, коррелирующей с русским контекстом. Этот процесс коснулся как всей структуры текста и семиотически важных аспектов текстообразования, так и конкретного состава формул, употребления специфических выражений и лексем, существенно затронув даже сочетаемость, синтаксическую валентность и грамматические характеристики нижненемецких слов.

К явлениям трансференции из русского официально-делового письма относятся: формула заверения (*eynen frede endigen* < *доко́нчатъ миръ*), почти обязательное употребление русской формулы крестоцелования в финале договорных грамот (...*hebben dat crusse dar upp gekusset*... < «на том крест целовали»), часто даже замещающей обычные немецкие формулы о навешивании печатей, формула зачина договоров (*Hir is gekomen* < *се прюеха*) и формула челобитья (*hevet vor uns syn hovet geslagen*, ср. *челомъ бутю*), обозначение соответствующих грамот как *crucekussinghe*... «крестоцелование», *crucebreve* «крестная грамота», *hovetslach* и *houetslande* «челобитье», формула охранной грамоты *up des koninges hand* «на княжей руке», обозначения русской стороны *de menen Nogar dere, alle grote Nougarden* «весь Новго-

род», русских купцов *unse (ere) brodere* «наши (ваши) братья», новгородского владыки *hilge vader* и *unse hilge vader* «(наш) святой отец», русские выражения для обозначения немецкой стороны *latynsche tunge* «латинский язык», *nabers* «соседи», *leve / gude nabers* «милые / добрые соседи», *unse leven nabers* «наши милые соседи». Эти формулы и выражения калькированы с древнерусских образцов и не встречаются за пределами русско-ганзейского корпуса. В пределах же сферы (контекста) отношений Ганзы с Новгородом они являются юридически общепринятыми, а частично даже обязательными для официального узуса городских канцелярий Ганзы.

Литература

- Сквайрс Е. Р. Ганза и Русь: модель языкового контакта // Славяно-германские исследования. Т. I–II / Отв. ред. А. Гугнин, А. Циммерлинг. Институт славяноведения РАН, Научный центр славяно-германских исследований. М., 2000. С. 436–540.
- Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.
- Skvairs E. R. Quellen zu niederdeutsch-russischen Sprachkontakten der Hansezeit. Forschungsstand – Entwicklungswege – Aussichten // «Geschriebenes, gesprochenes und gedrucktes Deutsch im Baltikum.» Internationale Fachtagung, Riga (Latvien), Oktober 1995 / Hrg. Gisela Brandt. Stuttgart, 1997. S. 67–86.
- Squires Catherine. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Niederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. (Niederdeutsche Studien / Hrg Jürgen Macha. Band 53.) Köln; Weimar; Wien, [2008].

Славистика и организованное славистическое движение в современном мире

Б. Станкович

Славистическое общество Сербии (Белград, Сербия)

Славистика, славистические организации, современные условия, интеграционные процессы, принцип славистической целостности, идея славянской взаимности, славистическая солидарность, возрождение, Международная ассоциация славистов (МАС)

Данное международное собрание славистов проходит спустя два века со времени становления славистики как на-

уки¹ и столетие после того, как появился замысел провести Первый съезд славянских филологов и историков², который,

¹ Как известно, родоначальником славистики как научной дисциплины считается Йозеф Добровский. Первый том его славистических трудов под названием *Slawin* опубликован в 1806 г., второй в 1808 и третий в 1833 г.; еще два тома – под названием *Slovanka* – опубликованы в 1814 и 1815 гг.

² Упомянутый съезд должен был состояться в Петербурге в 1904 г., но был отменен из-за обострения политической ситуации.

если он бы состоялся, сейчас можно было бы считать началом организованного **международного славистического движения**. В течение такого длительного периода и у славистики, и у организованного славистического движения были этапы взлетов и падений, расцвета и кризисного застоя. Такова их судьба и в наше время, в условиях современного глобализирующегося мира.

Изменчивую судьбу славистики, а тем самым и славистов и их организаций, проиллюстрируем только новейшими фактами последнего десятилетия, когда состоялись два международных съезда славистов: XIII в Любляне в 2003 г. и XIV в Охриде в 2008 г. На Люблянском съезде все еще сильно ощущался кризис славистики последнего десятилетия XX в. На съезде даже была принята декларация о тяжелом положении славистики, где говорится: «Международный комитет славистов выражает глубокую озабоченность крайне серьезной ситуацией, создавшейся в последнее десятилетие по отношению к славистике / славяноведению в ряде стран – таких, как США, Швеция, Великобритания, Италия, Франция, Канада, Израиль, отчасти Германия, Финляндия». Пять лет спустя, на открытии съезда в Охриде председатель Оргкомитета и тогдашний президент МКС академик Милан Гюрчинов высказал оптимистичные слова об актуальном положении славистики: «Дорогие коллеги, когда на заключительном пленарном заседании 5 лет назад мы получили мандат, многие сомневались, что с новыми геополитическими переменами в Европе славистика утратит свое прежнее значение и что интерес к ней в мире сильно уменьшится и даже угаснет. Сейчас с удовольствием могу вас уведомить, что в настоящее время, в 2008 г., такой скептицизм оказывается необоснованным и что интерес к исторической и современной славистической науке, к славянскому культурному наследию бесспорен, что именно наш конгресс и должен подтвердить. На XIV Международном конгрессе в Охриде принимают участие около 750 славистов из 40 стран мира».

С высказанным оптимизмом акад. М. Гюрчинова пока можно согласиться только частично, так как процессы мировой глобализации и европейской интеграции все еще сопряжены с антагонистическими устремлениями и многими противоречиями, которые осложняют положение славянских языков и славянских культур в мире, а тем самым тормозят развитие славистики. Все-таки, если иметь в виду, что исторические обстоятельства, при которых два века тому назад зародилась и сформировалась славистика, в наше время во многом повторяются и будут повторяться на высшем, спиральном витке развития, следует надеяться, что актуальные интеграционные процессы могут положительно повлиять на положение славянских языков и культур во всем современном мире, а также способствовать новому расцвету славистики. Этому значительно могут способствовать и сами слависты, их национальные и международные ассоциации, т. е. славистическое движение, но оно, соблю-

дая традиции и уважая имеющиеся достижения, должно соответствовать новым условиям в плане организации, содержания и форм деятельности (об этом конкретнее будет изложено в докладе). А что касается традиции, свою деятельность в первую очередь надо основывать на принципе славистической целостности при богатстве различий и при этом стремиться возродить идею славянской взаимности и максимально проявить славистическую солидарность.

Намеченные здесь многие другие актуальные вопросы славистики и организованного славистического движения обсуждались в июне 2008 г. на Международном симпозиуме в Белграде, посвященном юбилеям кафедры русистики Белградского университета и Славистического общества Сербии. В предисловии к сборнику докладов, опубликованному позже, об этом сказано:

...Указывалось на необходимость создания современных международных славистических организаций, т. е. таких научных ассоциаций, которые будут больше заниматься вопросами обучения славянским языкам, литературам и культурам, не только родным, но и инославянским и иностранным, и которые внесут вклад в функциональное объединение фундаментальной и прикладной славистики. В связи с этим был предложен инициативный комитет, который в течение осени 2008 года должен разработать концепцию будущей международной ассоциации славистов (МАС), что создаст базу для подготовки учреждения такой организации. Было указано, что подходящим моментом для заключительного этапа учреждения организации является проведение Международного научного симпозиума в Москве с 24 до 26 марта 2009 года на тему: Славянские языки и культуры в современном мире. Сербские слависты могут гордиться тем, что упомянутая идея была заявлена именно на симпозиуме, посвященном их юбилеям. Одновременно это обязывает их полностью посвятить себя воплощению данных замыслов [Изучение славянских языков... 2008: 6].

Осознание упомянутого обязательства и определило выбор темы нашего доклада.

Литература

- Изучение славянских языков, литератур и культур как инославянских и иностранных // Сборник докладов Славистического общества Сербии / Ред. Б. Станкович. Белград, 2008.
- Молдован А. М. Пути славистики в современном мире // XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. М., 2008.
- Обращение председателя Организационного комитета XIV Международного конгресса славистов акад. Милана Гюрчинова // Материалы Конгресса. Охрид, 2008 (машинопись).
- Станкович Б. Роль славистики и славистических организаций в интеграции европейского Востока и Запада // Славянский вестник. 2004. Вып. 2. С. 360–365.
- Станковић Богољуб. Александар Белић у славистичком покрету // Јужнословенски филолог. Књ. LXIII. Београд, 2007. С. 31–46.
- Станкович Б. Ассоциация русистов и русское слово в глобализирующемся мире // Русский язык за рубежом. 2007. № 6. С. 33–41.

Русская литература в учебниках русского языка для сербов как способ сохранения славянских культур в условиях глобализации

Р. Т. Степанов

Гимназия Врбаса (Нови Сад, Сербия)

Славяне, нравственность, глобализация, литература, компетенция

Аннотация. В докладе нет разработки методических подходов и приемов. Проблема сохранения славянских культур будет рассмотрена и с точки зрения психологии, и с точки зрения медицины.

Русская литература вообще, а особенно литература XIX в. оставила немалый след в сербском культурном, образовательном и литературном пространстве. Роль русской литературы XIX в. в развитии сербской литературы первой половины XX в. очень велика. Некоторые сербские писатели даже не стеснялись в названиях своих произведений наметнуть на их связь с произведениями русских писателей XIX в.

Взаимодействие русской литературы с другими видами искусства в сербском культурном пространстве еще не стало предметом серьезных исследований в Сербии, но оно представляет собой очень интересное поле будущих исследований для разных специалистов.

В своем докладе я попробую дать ответ на некоторые вопросы о важности присутствия литературных текстов в

учебниках русского языка. Уроки русского языка должны быть опорой в деле сохранения славянского духа, нравственности и славянских ценностей. Все это невозможно без хорошего текста, на основе которого язык и изучается, и усваивается. Сербы должны именно на основе текстов русской классики создавать учебники русского языка, так как, изучая Пушкина, они не забывают П. П. Негоша, изучая Гоголя, обращаются к Браниславу Нушичу, читая Толстого, не забывают Иво Андрича, думая о Достоевском, знакомятся с Яустином Поповичем, читая Пастернака, вспоминают Милоша Црњанского и так далее...

Значительна роль русской литературы в преподавании русского языка в сербской среде в новых геополитических условиях. Как только сербы перешли критическую черту

непокорности, т. е. когда их борьба приняла характер борьбы с самой идеей Запада, идеей атлантизма и мондиализма, Сербия была выделена как главное препятствие на пути установления «нового мирового порядка». Последовали экономические и политические санкции, затем жестокая, зверская бомбардировка. После бомбардировки, начали «бомбить» нашу образовательную систему. Первое на что обрушились – это русский язык в школах. Его выгнали из сербских школ, беспощадно и примитивно. Того, что осталось явно недостаточно: очень мало уроков в неделю и в год, а самое важное – очень плохи «современные» учебники, учебники без души, а «бездушные» и есть основная цель глобализации. Осваивание «уровня компетенции» при том уровне, какой нанесен нравственности, при потере чувств – это дорога «из ниоткуда в никуда».

Русская литература на уроке русского языка и есть та основа, на которую можно всегда опереться в изучении русского языка. Связав русскую и сербскую культуры, лег-

че всего добиться успехов и в мотивации учеников, и в изучении языка. Благодаря изучению русского языка ученики могут познакомиться с великой русской цивилизацией и культурой. Изучая другой язык, ученики одновременно осваивают и усваивают другой мир. Этот новый мир становится частью их личного совокупного микро- и макрокосмоса. Освоение этого нового мира и должно осуществляться еще с порогового уровня изучения русского языка. Сегодня это настоящая борьба. Целеустремленность преподавателя не поможет, если нет хорошего текста, хорошего рассказа в учебнике. Все славянские народы – это народы сказки и мифа. Читая хороший рассказ, учащиеся лучше усвоят язык, чем работая с «нелитературным» текстом.

В своем докладе я попробую доказать необходимость включения лучших страниц из произведений русской классики в учебники в современных условиях изучения русского языка как иностранного.

Россия, Московский университет и русская культура в жизни и творчестве сербского деятеля М. Пешича

Е. Ф. Фирсов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Сербско-русские связи, Пешич, МГУ, культурология

Аннотация. На основе обнаруженных московских архивных фондов исследуется российский период творчества видного сербского литературоведа, переводчика и писателя Миодрага Пешича (1897–1979), впервые в исторической литературе анализируются материалы его личного фонда на сербском языке, освещающие период его учебы в Московском университете в 1917–1920 гг., раскрывается вклад М. Пешича в популяризацию русской культуры в Сербии и его личные контакты с русской литературной богемой.

Миодраг Пешич (1897–1979) – сербский литературовед, писатель, литературный критик и библиограф, ставший исключительным знатоком русской литературы, ее неутомимым переводчиком и популяризатором в Сербии и Югославии в целом. Можно лишь сожалеть, что имя М. Пешича до сих пор практически неизвестно в нашей стране, в то время как его жизненная и творческая стезя с юности была связана с Россией.

Много лиха Пешичу пришлось хлебнуть в Первую мировую войну. Вместе с другими сербскими молодыми людьми школьного возраста ему пришлось спастись от неприятеля. В 1916 г. он был эвакуирован за границу и сначала поехал во Францию, а затем в Великобританию. Позже стараниями сербского правительства в эмиграции он был направлен в Россию и оказался в г. Владимире-на-Клязьме, где завершил начатое еще в Сербии образование в духовной семинарии. Так что Россия-матушка стала спасительницей для Пешича, как и для многих его сверстников. Россия приютила, взрастила и вывела их на широкий жизненный путь.

Осенью 1917 г. Миодраг Пешич был принят на учебу в Московский университет на историко-филологический факультет и закончил его, пройдя через революции, в 1920 г. В том же году летом (в свои 23 года) он был отправлен к себе на родину в сербский регион Югославии. Пешич сначала преподавал сербский язык в гимназии в Алексинце, а в 1925 г. переехал в Белград. Долгое время впоследствии он трудился в Национальной библиотеке Сербии, где ведал отделением славянской книги. Впоследствии он полностью посвятил себя литературному творчеству, переводам и популяризации русской литературы и культуры.

К литературному творчеству и осмыслению русской культуры М. Пешич приобщился в годы учебы в Московском университете на историко-филологическом факультете. Он с любовью вспоминал, например, своего наставника – известного профессора Михаила Несторовича Сперанского, привнесшего ему интерес к Пушкину.

Рукописный личный дневник на сербском языке и другие важные для понимания взглядов этого сербского деятеля материалы литературного и общественно-политического характера остались в России. Несколько лет тому назад они были обнаружены мной и изучены в архивных фондах Москвы. Ценными явились также сведения, почерпнутые в архиве МГУ им. М. В. Ломоносова благодаря поддержке ведущего архивиста С. М. Завьялова. В электронной базе данных С. М. Завьялова о студентах историко-филологического

факультета МГУ под номером 1127 значится «Миодраг Михайлович Пешич, православный, окончил владимирскую духовную семинарию». Однако фамилия Пешича в источнике искажена: в списке он почему-то фигурирует как **Пешиг**.

В годы учебы в Московском университете Пешич становится, несмотря на свою молодость, заметной фигурой в сербском землячестве в России. Он стоял во главе созданного в университете югославянского студенческого (академического) общества «Коло» и активно включился в общественно-политическую жизнь сербской диаспоры в России. Об этом свидетельствуют анализируемые в докладе многие архивные материалы, отложившиеся в личном фонде Миодрага Пешича. Он оказывал, например, всемерную поддержку раненым сербским добровольцам в России, сражавшимся за национальную свободу.

Без преувеличения можно сказать, что Миодраг Пешич стал своеобразным центром притяжения сербского молодежного землячества в России. Архивный фонд содержит важные материалы из круга сербских дипломатов в России, документы, освещающие внутреннюю борьбу в сербской диаспоре в революционные годы. Кроме того, архивные материалы позволяют уяснить отношение сербов к православию и русскому менталитету. Сербская молодежь была убеждена, что православию принадлежит будущее.

Еще будучи студентом Московского университета М. Пешич сблизился с Юргисом Балтрушайтисом и его поэтическим модернистским окружением. М. Пешич активно участвовал тогда в подготовке к изданию в России антологии сербской поэзии. Этим важным начинанием в деле сближения русской и сербской культур руководил Балтрушайтис, на квартире которого, как правило, и проходили многие литературные встречи. В одной из записей дневника М. Пешича от 13 мая 1917 г. читаем: «Находился в обществе поэтов Балтрушайтиса и Бальмонта, которые обещали мне подарить свои творения» (перевод записей дневника М. Пешича и архивных материалов мой. – Е. Ф.). Встреча с Балтрушайтисом состоялась и на следующий день – во второй половине: «Пели песни, пили хорошее вино, Балтрушайтис декламировал», – содержится запись в дневнике. Знакомство Пешича с Балтрушайтисом состоялось, как значится в более ранней в хронологическом отношении записи, 4 мая 1917 г. Дневниковые записи позволяют выявить позитивное отношение Пешича к революциям 1917 г. Наблюдалось постепенное полевание его социально-политических взглядов.

Пешич лично познакомился также с такими русскими поэтами, как А. Белый, Вячеслав Иванов и др. Несколько позже, по признанию самого Пешича, он встречался с Маяковским, Пастернаком, Эренбургом, Шершеневичем, Мариенгофом и Есениным. Главным кумиром (хотя далеко не единственным) Пешича на долгие годы стал Сергей Есенин, творчеству которого и переводам на сербский язык была

посвящена не одна книга ученого-литературоведа, как в межвоенный, так и в послевоенный период.

Венцом в деле популяризации русской культуры в Сербии и Югославии и переводах с русского можно считать подготовленные М. Пешичем антологии русской поэзии «От Пушкина до Евтушенко» (1967) и «Салон русских поэтов» (1970).

Болгаристика в Киевском университете вчера и сегодня

Е. Р. Чмыр

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

Киевский университет, история, болгаристика

Аннотация. Традиции преподавания и исследования болгарского языка, литературы, истории закладывались с первых лет существования кафедры славянской филологии в университете св. Владимира в Киеве. Эти традиции были прерваны на долгие годы в 20-х гг. XX в. Возобновлено преподавание болгарского языка в 1963 г., а подготовка студентов по специальности «болгарский язык и литература» начата в 1973 г.

Доклад посвящен истории болгаристики на кафедре славянской филологии Киевского университета. Решение об открытии этой кафедры в университете св. Владимира было принято в 1842 г., фактически же преподавание началось в 1846–1847 учебном году. Первоначально основное внимание уделялось богемистике, хотя вопросы, связанные с древнейшим славянским литературным языком, деятельностью творцов славянской письменности Кирилла и Мефодия затрагивались в лекциях первого заведующего кафедрой профессора В. И. Яроцкого. Сменивший его А. А. Котляревский, ученик О. М. Бодянского и Ф. И. Буслаева по Московскому университету, не только читал лекции в университете, занимался исследованиями, но и возглавлял Киевский Славянский комитет, оказывавший помощь южным славянам, которые боролись за свое освобождение. Интерес к болгарскому фольклору у А. А. Котляревского возник еще во время учебы в Москве, где О. М. Бодянский познакомил его с Любеном Каравеловым. Т. Д. Флоринский, который возглавлял кафедру с 1882 г., начинал с изучения истории южных славян, преимущественно болгар. Позже в работах «Лекции по славянскому языкознанию» (Киев, 1895; 1897), «Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства» (Киев, 1907) он дает подробное описание области расселения болгар, их языка, обычаев. До 1917 г. к исследованию болгарского языка и литературы обращались также К. Ф. Радченко (не утратившая значения до наших дней работа «Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием» (Киев, 1898), А. И. Степович – переводы произведений болгарской литературы; А. М. Лукьяненко – «Носовые гласные в болгарском языке» (Киев, 1910) и др.

В сложные для университета годы (1918–1922) кафедру славистики возглавлял известный исследователь жизни и творчества Климента Охридского Н. Л. Туницкий. В результате реорганизации Киевский университет преобразовали в Институт народного образования, преподавание славистических дисциплин было прекращено, многие преподаватели в конце 1920-х – начале 1930-х гг. репрессированы. В 1933 г.

деятельность Киевского университета была возобновлена, однако кафедры славистики в нем не существовало.

После окончания войны славистику в Киевском университете в 1947 г. возрождает Л. А. Булаховский. Под его руководством были воспитаны ученые, которые успешно развивали славяноведение в Украине на новом историческом этапе. Кафедра вела подготовку специалистов недолго – в 1955 г. славянское отделение объединили с отделением украинского языка и литературы, славянские языки преподавали факультативно. Кафедра все же продолжала существовать, возглавлял ее профессор В. И. Массальский, который сделал очень много для того, чтобы возобновить подготовку по специальности «славянские языки и литературы». С 1963 г. начато факультативное преподавание болгарского языка (Т. В. Лапинская).

Набор студентов по специальности «болгарский язык и литература» впервые состоялся в 1973 г. Подготовку специалистов-болгаристов вели доц. Т. В. Лапинская, доц. Т. В. Коваль-Костинская, доц. И. А. Стоянов.

Кафедра славянской филологии сегодня входит в состав Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Набор студентов на специальность «болгарский язык и литература» происходит через год. Практические занятия по болгарскому языку, нормативные курсы по современному литературному языку, языковые спецкурсы ведет доц. О. В. Коваль-Костинская, также практический курс болгарского языка, лекционные курсы по истории языка и исторической грамматике, спецкурсы – доц. Е. Р. Чмыр, курс истории болгарской литературы, спецкурсы по литературе ведет лектор из Болгарии (доц. Хр. Манолакев). Обмены преподавателями и студентами осуществляются на основании межгосударственных и межвузовских договоров. Киевский университет поддерживает связи с Софийским университетом имени Климента Охридского. Ежегодно университет направляет в Софию и принимает в Киеве преподавателей, аспирантов, студентов. Существенную помощь в учебной деятельности оказывает Посольство Республики Болгарии в Украине.

Поляки в Енисейском крае:

кросскультурные и кросслингвистические нюансы

Б. Я. Шарифуллин

Лесосибирский педагогический институт Сибирского федерального университета (Лесосибирск, Россия)

Поляки в Сибири, кроссязыковое взаимодействие, языковая ассимиляция, польское самосознание

Аннотация. В докладе рассмотрены некоторые моменты языковой ситуации в Красноярском крае, отражающие проживание в нем «сибирских поляков». Представлены результаты анкетирования студентов Лесосибирского пединститута СФУ польского происхождения относительно осознания ими своей национально-культурной и языковой идентичности.

Красноярский край (прежде – Енисейская губерния, Енисейский край) – с XVIII в. стал «площадкой», говоря современными словами, перманентного пере- и поселения людей из европейской части России: добровольного (казаки), отчасти добровольного (крестьяне) и недобровольного (репрессированные и ссыльные участники пугачевских и иных

восстаний, декабристы с их верными женами, участники польских восстаний 1848 г. и более поздних времен, «народники», «нигилисты», «бомбисты» и пр. революционеры, включая меньшевиков и большевиков).

При Советской власти этот свой статус Красноярский край сохранил. Сюда, в частности после войны, была пере-

селена еще одна волна поляков: тех, кто не ту армию выbral – не «Людкову», созданную в соответствии с планами Сталина и польской компартии, а «Крайову», которая подчинялась законному польскому правительству в вынужденной эмиграции (Лондон). Впрочем, польских «коммунистов» тоже не обошла стороной «этническая зачистка».

Таким образом, еще в XIX в. возникла на Енисейской земле, условно говоря, польская «диаспора», пополнявшаяся в последующие времена. С другой стороны, «поляками» в сибирских деревнях и селах часто называли не столько собственно поляков, сколько вообще выходцев («подселенцев», «подсиденцев») из западной европейской части России (Беларуси, Смоленщины и пр.), переселившихся в Енисейский край с конца – начала XX в. (например, «поляки» в Алтайском крае).

Сейчас в Красноярском крае живет немало поляков, или, во всяком случае, тех, кто имеет польские корни, даже считая себя уже сибиряками. Пример: в нашем Лесосибирском пединституте среди студентов есть те, фамилии которых «выдают» их польское происхождение (на мои вопросы далеко не все, правда, признавали свое польское происхождение, но некоторые это даже подчеркивали, как и то, что они хотели бы знать свой родной язык, – см. ниже): Вежховская, Великосельская, Вендзлик, Квятковская, Ковальская, Лембертович, Мудрик, Тишевская, Хвесик, Юзефович и т. д.

Сибирские поляки в Красноярском крае – те, кто хочет сохранить свою культуру, свой язык, в конце концов, свою религию (католическую), – объединяются, создают общества типа «Polonia». Например, довольно сильная «Полония» существует в Абакане; на Международной конференции Хакасского госуниверситета «Языковая политика в межкультурной среде» в 2006 г. была специальная секция «Проблемы и перспективы польского языка в России». В самом Красноярске активно работает национально-культурная автономия «Дом польски». Были проведены, например, научно-практические конференции и семинары на тему «Поляки в Приенисейском крае».

Таким образом, кросскультурная составляющая проблемы «Поляки и Сибирь» вроде имеет место быть. Намного меньше очевидны кросслингвистические параметры бытования «сибирских поляков». Речь идет не о «проблемах и перспективах польского языка в Сибири», каковыми бы важными они ни были для польской диаспоры (школы и курсы польского языка имеются в Красноярске, Абакане и др.; для детей сибирских поляков в Томске устраивается летний лингвистический лагерь), а об интерференции русской и польской речи в их естественном бытовании, в ситуациях повседневного общения, в условиях очевидного даже не то чтобы доминирования, а безусловного превосходства речи русской. Связано это с высокой степенью ассимиляции поляков: многие из них считают себя частью русского этноса.

Вместе со студентами-филологами, работающими в проблемной группе «Язык сибирского города» при лабора-

тории речевой коммуникации, я провел опрос студентов ЛПИФСФУ) с целью выяснения того, осознают ли и как осознают свою «польскость» лесосибирцы польского происхождения (выбраны были только те студенты, чьи фамилии мы считали «потенциально польскими», всего 27 человек; польский язык как второй славянский у нас не преподается). Ввиду краткости тезисов приведу только результаты опроса.

- (1) На вопрос «Осознаете ли Вы свое польское происхождение?» (вопрос типа «Являетесь ли Вы поляком по происхождению?» не предлагался специально) 12 студентов дали ответ наподобие «Я не польского происхождения»; из остальных 5 человек ответили «Об этом знаю, но считаю себя русским». Таким образом, только 10 студентов осознают себя поляками (из них 7 девушек).
- (2) Следующий вопрос был «Если у вас родители поляки, говорят ли дома по-польски?». Положительных, точнее, приблизительно положительных, было 3 таких ответа: «Бабушка говорила, когда я маленькой была, а родители нет», «Отец немного говорит, а мама русская», «Иногда мама с папой по-польски говорят, но редко».
- (3) На вопрос «Умеете ли Вы хоть немного говорить по-польски?» только одна студентка ответила «Немного умею, бабушка учила, но помню не очень».
- (4) Четвертый вопрос «Знаете ли Вы какие-нибудь польские слова вообще и откуда?» в туник студентов в принципе не поставил: некоторые хорошо знают устойчивые клише, междометия или междометные словосочетания, основанные на вербальных традициях католической церкви и в народной польской среде – *до видзена, дзень добры, дзенькую, цурка, коханы (кохана), матка боска, езузе, пся крив* («от бабушки научилась», «мама / папа так говорит», «с детства помню») и т. п..
- (5) На вопрос же «Хотели бы Вы учить польский язык?» из тех 10 студентов, которые считают себя поляками, 8 ответили утвердительно.

В Лесосибирске еще пока нет польских национально-культурных обществ, как в Красноярске, но стремление местных поляков больше узнать о своем родном языке и о своей национальной культуре очевидно.

Общий вывод: в условиях данной языковой ситуации в Красноярском крае, несмотря на высокую степень языковой ассимиляции, часть поляков, не зная в сущности родного языка, сохраняет в своей русской уже речи его отдельные элементы. Поэтому можно констатировать определенную степень языковой интерференции, когда на русский язык, который все же практически все поляки считают своим родным, накладываются польские речевые элементы, в том числе и фонетические: я сам наблюдал у некоторых студентов польского происхождения некоторую, хотя и незначительную, степень мягкого «дзеканья» и «цеканья» в обычных русских словах типа *дзецкий, дзенежки, ц'оплый, хоц'ец'*, *Цишевская* (так произносит студентка свою фамилию, в документах – Тишевская) и т. п.

Устаревшая лексика русского происхождения в дагестанских языках

И. И. Эфендиев

Дагестанская государственная медицинская академия (Махачкала, Россия)

Язык, словарь, архаизмы, дагестанский, взаимоотношения

Аннотация. Сфера употребления русских заимствований дореволюционного периода в дагестанских языках изменилась после Октябрьской революции. Наряду с вытеснением слов, заимствованных из восточных языков, наблюдается архаизация отдельных слов русскоязычного происхождения досоветского периода.

В старописьменных дагестанских памятниках имеется немало фактов, доказывающих, что исторические связи дагестанских и русского народов зародились еще задолго до присоединения Дагестана к России. Эти взаимоотношения, о которых говорится в различных исторических хрониках, конечно, не могли не оставить свой след в дагестанских языках. Однако наиболее глубоко влияние русского языка на дагестанские стало проявляться после присоединения в 60-х гг. XIX в. Дагестана к России. Вплоть до установления

советской власти в Дагестане использование русского языка как средства межнационального общения распространялось в основном за пределами Дагестана – в местах отхожих промыслов.

Как известно, в дореволюционный период дагестанские языки испытывали сильное влияние восточных языков: тюркских, арабского и персидского. Влияние их оказалось особенно сильным на лезгинские языки из-за особых экстерриториальных условий. А. С. Чикобава относил, напри-

мер, табасаранский язык к таким, в которых заимствованная лексика преобладает над исконной. К концу XIX в. влияние восточных языков на дагестанские резко ослабло ввиду сильной экспансии русского языка, постепенного роста его роли в жизни дагестанцев. В лезгинском и родственном ему табасаранском языках сегодня можно найти русские слова, проникшие сюда еще в дореволюционную эпоху, например: лезг. *ружа*, таб. *руджа* 'ружье'; лезг., таб. *патрум* 'патрон'; лезг., таб. *патрумдаш* 'патронташ'; лезг. *каравут*, таб. *карават* 'кровать'; лезг. *къафет*, таб. *гьяфат* 'конфета'; лезг. *истикан*, таб. *астакан* 'стакан'; лезг., таб. *мастава* 'широкая дорога' лезг., таб. *хазна* 'казна'.

Сфера употребления дореволюционных заимствований в лезгинских языках начала изменяться после Октябрьской революции. Наряду с вытеснением слов, заимствованных из восточных языков, наблюдается архаизация отдельных слов русскоязычного происхождения досоветского периода. Смена государственного устройства, развитие новых отраслей промышленности, расширение сферы образования и

просвещения повлекли за собой появление новых слов, а исчезновение прежних форм общественной жизни способствовало тому, что перестали употребляться многие термины, служившие наименованиями старых реалий: названия дореволюционных учреждений, терминология политических и общественных отношений и т. п. Таким образом, из активного словаря дагестанских языков постепенно стали выпадать слова, связанные с определенными периодами в истории нашей страны. В настоящее время в переводных словарях дагестанских языков устаревшие русизмы имеют соответствующие пометы и воспринимаются носителями дагестанских языков как архаизмы. Например: лезг. *вершок* 'вершок', *десятин* 'десятина', *излишка* 'излишек', *берданка* 'берданка', *кустарка* 'ковровница', *кустарни* 'ковровая артель', *лабаз* 'лабаз', *файтун* 'фазтон', *файтунчи* 'фазтонщик'; таб. *айрупан* 'аэроплан', *аршин* 'аршин', *бакчал* 'бакалея', *банк* 'банка', *башмак* 'башмак', *башмакчи* 'сапожник', лезг., таб. *мекера* 'Макарьевская ярмарка' и др.

Славянские и балтийские языки в лингвистической среде юго-восточной части Латвии (XIX век)

Л. А. Юргите

Латвийский университет (Рига, Латвия)

Латгалия, лингвистическая среда, перепись населения

Юго-восточная часть Латвии (Латгалия) уже издавна была краем с пестрым этническим составом населения и своеобразной языковой ситуацией, которую, к сожалению, реконструировать достаточно сложно, потому что исторические источники немногочисленны, фрагментарны, их использование во многом проблематично. Цель данного исследования – на основе материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи, которая была проведена 9 февраля 1897 года охарактеризовать лингвистическую среду в трех волостях Динабургского уезда Витебской губернии. Это Изабелинская, Ужвалдская и Вышковская волости, а также местечко Вышки.

Материалы переписи хранятся в фондах Латвийского государственного исторического архива (ф. 2706, оп. 1, д. 64–66; 69–73). Карточки первичного учета переписи содержат данные о каждом жителе по 14 признакам: имя, семейное положение, отношение к главе хозяйства, пол, возраст, сословие, вероисповедование, место рождения, место прописки, место жительства, родной язык, грамотность, занятие и физические недостатки. Для изучения языковой среды особенно важны данные о родном языке и грамотности.

Анализ Материалов переписи показал, что в крестьянской среде употреблялся латышский язык (местный говор верхнелатышского диалекта) и два говора славянских языков: русский и белорусский. К тому же большинство деревень были одноязычны.

Количество латышей (латгальцев) было достаточно большим, однако в Витебской губернии функции их родного языка были ограничены, хотя уже в начале XVIII века на основе латгальских говоров был создан письменный язык. На нем были изданы не только сакральные тексты. Это в значительной степени поднимало престиж местного балтийского языка и поддерживало самосознание латгальцев даже после 1865 года, когда было запрещено не только издавать, но и использовать тексты, напечатанные латинскими буквами. При поддержке католической церкви латгальский письменный язык продолжал полноценно функционировать в языковой среде края, а дети католиков учились читать на родном языке, используя старые молитвенники. Ведь школьное образование можно было получить только на русском языке.

Но не все дети были охвачены школьным образованием. Об этом свидетельствует и низкий уровень грамотности среди крестьян староверов (как русских, так и белорусов). Иная картина в католической среде. Крестьяне латгальцы умеют читать на родном языке, а белорусы по-польски, т. к. все сакральные тексты для белорусов были только на этом

языке. Это в значительной мере препятствовало становлению белорусского этнического самосознания и способствовало полонизации.

Ассимиляция белорусов развивалась в трех направлениях – русском, латышском (латгальском) и польском. Направление ассимиляции определяли конфессиональная принадлежность человека и языковая среда. В деревнях, где жили староверы, белорусы теряли свою этничность, становясь русскими, а в местах компактного проживания латгальцев становились латгальцами. Полонизация белорусов в данных волостях проявлялась не так сильно, как это было на территории Вильнюсской губернии.

Прочее использование языков носит спорадический характер, к тому же различно в разных волостях. Если в крестьянских семьях Вышковской волости как квартирьерскими жили цыгане, собиравшие подати, то в Ужвалдской только несколько евреев (члены Краславской еврейской общины), которые в деревнях скупали мясо, и немецкая семья аптекаря. В Изабелинской волости жили поляки и литовцы, которые были выходцами из Вильнюсской и Каунасской губерний. Литовский язык (в том числе жемайтский говор) в качестве родного указало также католическое духовенство Ужвалдского и Аулейского приходов. Заметим, что в Ужвалдской волости в конце XIX века не было литовских крестьян, хотя в фамилиях местных жителей и названий деревень имеется достаточно много литовских элементов. То, как они проникли в эту языковую среду, на данном этапе исследования выяснить не удалось.

Если жители деревень в основном были крестьянами, то в местечке Вышки жили и люди других сословий. Лингвистическая среда местечка отличалась тем, что в ней кроме латгальцев, русских и белорусов было много евреев. В материалах переписи фиксированы также ремесленники, в семьях которых говорили на таких языках, как староболгарский, венгро-польский, сербо-хорватский и молдавский.

Учитывая как социально-политические условия, так и языковую среду, представляется, что в качестве языка взаимного общения в данной многоязычной среде выступал один из славянских языков или несколько языков одновременно. Общаясь с представителями власти, служителями церкви и соседями, которые говорили на другом языке, жителям волостей необходимо было использовать несколько языков. То, что в говорах латгальских латышей и славян много общей лексики, в значительной степени облегчало их контакты, т. к. каждый мог говорить на своем языке. Полевые исследования диалектологов свидетельствуют, что такая модель общения использовалась в Латгалии до середины XX века.

Slovenský jazyk a slovenská kultúra v 21. storočí

M. Gavurová
J. Gavura

Filozofická fakulta Prešovskej univerzity (Prešov, Slovenská republika)

Jazykovú a kultúrnu situáciu na Slovensku posledných rokov ovplyvňuje predovšetkým dynamika ekonomických a geopolitických zmien. Slovenská vzájomnosť, ktorá sa intenzívne rozvíjala kontinuálne od 19. storočia, sa v rokoch kultúrnej globalizácie výrazne oslabuje a slovenský prvok v kultúre i v jazyku sa viac nevyznačuje užšou spoluprácou. Geopolitická zmena v roku 1989 sa na slovenskej kultúre a v slovenskom jazyku prejavila novou orientáciou na kultúry západnej Európy a doslova vpádom anglofónnej literatúry, hudby a kinematografie. Tomu sa prispôsobuje aj slovenský jazyk, ktorý sa najvýraznejšie obohacuje práve o prvky z anglického jazyka a to na všetkých jazykových úrovniach. Aj keď sa v posledných rokoch boom anglofónnej kultúry postupne oslabuje a dochádza k väčšej heterogenosti v kultúrnej ponuke vo všetkých druhoch umenia v jazykovej oblasti je dominancia nových prvkov naďalej dosť jednostranná, čo však súvisí s tým, že angličtina sa používa ako univerzálny jazyk internetu, kybernetického priestoru aj medzinárodnej komunikácie.

Najvýraznejšou zmenou, zasahujúcou kultúrny chod života na Slovensku, je postavenie ekonomického hľadiska ako rozhodujúceho kritéria pri rozhodovaní kultúrnych inštitúcií a vydavateľstiev, aký typ literatúry alebo kultúry príjemcom ponúknuť. Kultúra sa radikálne rozčlenila na vysoké umenie a na spotrebnú produkciu. S týmto rozdelením prichádza aj rozdelenie ponuky. Pre vysoký typ umenia je typické, že má heterogénnu povahu a sú v nej rovnomernejšie zastúpené všetky národy, vrátane slovanských kultúr. V spotrebnej produkcii prevažuje predovšetkým americká produkcia alebo produkcia využívajúca anglický jazyk. Do slovenčiny tiež viac prenikajú prvky z mediálneho prostredia, ktoré sa stalo nerozlučným (hoci často nechceným) spoločníkom človeka.

Problém jednostrannej orientácie a diktát trhu, ktorý si spontánne vynucuje niektoré žánre (dobrodružný a milostný román, muzikál, thriller...), je známy a kultúrne inštitúcie (ministerstvo kultúry, literárne centrum a podobné fondy a inštitúcie) sa usilujú o pomoc vysokého umenia, ktoré je ekonomicky strastové. Aj keď systém dotácií ministerstva kultúry umožňuje uchádzať sa o podporu pri vydávaní umeleckých diel, jeho bezprostredná predajnosť zostáva stále dôležitou podmienkou pre vydavateľa. Podiel vydavateľa na celkových nákladoch sa menil a v súčasnosti je na úrovni 30%, čo pri niektorých typoch menšinových žánroch, ako je napr. poézia, výtvarníctvo a pod., zostáva stále problémom. Rovnako pružne reagujú aj jazykovedné inštitúcie, ktoré sa usilujú nové jazykové prvky systematicky zmapovať a vyjsť používateľom jazyka v ústrety (príručky na správne používanie prebratých slov).

Slovenská kultúrna scéna je bilingválna, sedemdesiat rokov spoločného štátu Čechov a Slovákov (1918–1993, s prestávkou v rokoch 1939–1945) vytvorilo predpoklady pre vzájomné obohatenie oboch kultúr aj jazykov. Doteraz je generácia vyrastajúca v rokoch Československa bilingválna. Špecifikom však zostáva, že česká kultúra, ktorá vstupovala do spoločného štátu ako rozmanitejšia a vyspelejšia sa aj výraznejšie presadzovala a doteraz sa zachovala kultúrna prax, že knihy a filmy preložené do češtiny sa do slovenčiny neprekladajú. Povedané zjednodušene: kultúru v češtine je schopných prijímať pätnásť miliónov obyvateľov (z toho päť miliónov Slovákov), ale slovenčina je adekvátne zrozumiteľná iba pre Slovákov. Tento fakt má výrazný vplyv na vydavateľskú prax, ktorý sa musí prispôbiť malému okruhu príjemcov. Blízkosť češtiny a slovenčiny od rozdelenia Československa prestala byť dôvodom častých ortoepických a ortografických problémov a pre obidva jazyky je v súčasnosti typické postupné vzdaľovanie sa.

Geopolitické zmeny sa podpísali aj pod ďalšie zmeny. Tú ďalšiu by sme mohli nazvať splatením kultúrneho dlhu, vydaním kníh a prezentáciou umeleckých diel, ktoré boli v rokoch socializmu zakázané alebo cenzurované. To platí vo vzťahu k vlastnej kultúre aj ku kultúram, kde bolo socialistické zriadenie. Tak sa mohli vydať knihy A. Soľženicyna, I. Il'fa a J. Petrova, Cz. Miłosza a uviesť filmy proskribovaných režisérov.

Tradičia slovenskej vzájomnosti sa z bežného povedomia vytratila, uvedomuje si ju len staršia generácia autorov a redaktorov. Po období posledných rokov, keď už dochádza k presýteniu anglofónnou kultúrou, cítiť silnejšie hlas, žiadajúci priniesť širší kultúrny záber, pričom pomerne prirodzene sa volá aj po kultúre zo slovanských krajín. Postupne sa teda dostávame k dielam z ruskej, poľskej, ukrajinskej, slovenskej, chorvátskej a srbskej literatúry, ale objavujú sa preklady z bulharčiny či macedončiny.

Samotná slovenská tvorba však prestáva rozlišovať slovenské ako niečo výnimočné, skôr naopak, ešte stále sa pociťuje averzia, ako pozostatok povinnej a niekedy násilnej slovanizácie. Dnešný výber je orientovaný na kvantitu (ak ide o masových príjemcov) alebo kvalitu a nerozlišuje sa už natoľko, odkiaľ kniha, film, obraz či iné umelecké dielo pochádza. Najnovšie pohyby v slovenskej kultúre sú spôsobené ťažkosťami univerzálného charakteru, dominuje téma odcudzenosti, identity, morálnej krízy či smrti. V slovenskom jazyku zasa sledujeme nárast jazykových prvkov z oblasti technológií (kybernetizácia, internet, mobilná komunikácia) a obohacovanie o jazykové prvky súvisiace s novým spoločenským poriadkom (europeizácia či nové politické a ekonomické realie).

Etnolingwistyczne procesy na czesko-polskim pograniczu językowym / Этнолингвистические процессы на чешско-польской языковой границе

Z. Greń

Uniwersytet Warszawski (Warszawa, Polska)

Стандартизация и кодификация языка, чешский язык, польский язык, Силезия

Аннотация. В докладе обсуждена языковая ситуация на польско-чешской границе, в Силезии. В этой области в настоящее время происходят различные языковые и общественные процессы, которые могут привести к стандартизации силезского говора.

Współcześnie pogranicze polsko-czeskie na Górnym Śląsku i na Śląsku Cieszyńskim jest obszarem, na którym mamy do czynienia z nowymi zjawiskami w sferze społecznej, w tym i w sferze językowej. Demokracyzacja życia społecznego wraz z nieskrępowanym udziałem w debacie publicznej (za pośrednictwem nowych środków przekazu – głównie Internetu, ale również telewizji, radia, prasy) spowodowała ujawnienie się

zróznicowanych dążeń społeczno-politycznych o podłożu etnicznym. Możliwość akcesji do «nowych» grup etniczno-regionalnych, jak to było w spisach powszechnych w Czechach (1991, 2001) – Morawianie, Ślązacy i w Polsce (2002) – Ślązacy, na nowo postawiła pytanie o tożsamość śląską. Swój udział w debacie zgłosili również potomkowie niemieckich mieszkańców tego regionu.

Można tu mówić o trzech nurtach debaty: politycznym, naukowym i potocznym. W wyjątkowych sytuacjach nurty te zbliżały się do siebie, próbując ustalić pewne stanowiska (np. w debacie przeprowadzonej 30.06.2008 na Uniwersytecie Śląskim). Bywa i tak, że aspekt polityczny i reprezentujące go środowiska próbują zdominować dwa pozostałe nurty i wymusić określone zachowania.

Prezentowane stanowiska i ich przedstawiciele tworzą pewną skalę poglądów: najdalej idą w podkreślaniu różnic i kreowaniu zmian zwolennicy pełnej autonomii etnicznej i kulturowej, rekrutujący się spośród autochtonów, dla których śląskość ma charakter narodowy. Po przeciwnej stronie stoją wyznawcy kierunku odmawiającego Ślązacom jakiegokolwiek odrębności. Jeżeli taką odrębność stwierdzają, uważają, że należy ją niwelować i dążyć do unifikacji z resztą narodu. Między tymi skrajnymi stanowiskami istnieją różne ujęcia pośrednie, dopuszczające lub stwierdzające odrębność śląską, ale sytuujące ją na poziomie regionalnym.

Niezależnie od prowadzonych sporów i dyskusji czynione są próby stwarzania faktów dokonanych. Zgodnie z regułą, że każda grupa etniczna stara się określić, a nawet wykreować atrybuty własnej odrębności, zwolennicy opcji autonomicznej podejmują działania «organiczne» w tym względzie. Sprawdza się one z jednej strony do przeszłości i próby jej reinterpretacji, oraz do przyszłości – stworzenie mocnych podwalin dla autonomii etnicznej (niezależnie od jej rozumienia). To również staje się zresztą zarzewiem sporów.

Znaczący udział w interpretacji przeszłości i w kreowaniu rzeczywistości i przyszłości zajmują problemy językowe. Zwolennicy autonomii językowej z jednej strony uzasadniają odrębność językową śląszczyzny, z drugiej dążą do jej standaryzacji i kodyfikacji jako odrębnego języka (jego status i jego prawa są już kwestią polityczną).

Niezależnie od prezentowanego stanowiska, fakt istnienia literatury śląskiej, regionalnej jest niezaprzeczalny. Istnieje więc pewna tradycja piśmiennictwa śląskiego, ale jako głównie piśmiennictwa regionalnego w obrębie literatur narodowych. W związku z tym, rządzi się ono regułami standardów narodowych. Dążenia emancypacyjne, zwłaszcza zwolenników pełnej autonomii, wymuszają niejako konieczność zerwania z tą

tradycją, wypracowania nowych reguł. Jak na razie mają one głównie charakter żywiołowy, lecz coraz większy zasięg i coraz większe możliwości wypowiedzi w sferze publicznej powodują, iż czynione są próby działań zbiorowych, których wynik miałby moc unifikacyjną w obrębie śląszczyzny.

Głównym problemem, z jakim spotykają się twórcy owych standardów, jest duże zróżnicowanie językowe regionu, brak zgody na jedną podstawę dialektalną, różnice w podejściu do polityki językowej – różne rozumienie śląskości, oraz, jak na razie, brak wystarczającego przygotowania lingwistycznego autorów pojawiających się w sferze publicznej propozycji i «autobiograficzny» charakter ich projektów.

Czy wysiłki w zakresie standaryzacji i kodyfikacji śląszczyzny dadzą pozytywny wynik (niezależnie, powtórzmy, od jej ewentualnego umiejscowienia w hierarchii kodów)? Warunkiem byłoby objęcie wszystkich płaszczyzn językowych, profesjonalizm i mocne oparcie o materię językową, oraz zgoda społeczna dla określonej, spełniającej te warunki, propozycji.

Literatura

- Greń Z.* Śląsk Cieszyński. Dziedzictwo językowe. Warszawa, 2000.
- Greń Z.* Po śląsku w Internecie. Problemy standaryzacji żywiołowej // Z polskich studiów slawistycznych. XI. Językoznawstwo. Warszawa, 2007. S. 61–68.
- Kamuseła T.* Standaryzacja języka górnośląskiego i jej implikacje społeczno-polityczne (ze szczególnym uwzględnieniem Śląska Opolskiego) // Sprawy Narodowościowe. 2004. 24–25. S. 113–132.
- Kamuseła T.* Schlonzka mowa. Język, Górny Śląsk i nacjonalizm. T. II. Zabrze, 2006.
- Kamuseła T.* Schlonzsko. Wyd. II. Zabrze, 2006a.
- Korepta E.* Zagadnienia tożsamości regionalnej w literaturze Śląska Cieszyńskiego. Katowice, 2005.
- Nadciągają Ślązacy. Czy istnieje narodowość śląska? / Red. L. M. Nijkowski. Warszawa, 2004.
- Tambor J.* Mowa Górnoślązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna. Katowice, 2006.
- Wanatowicz M. W.* Od indyferentnej ludności do śląskiej narodowości. Postawy narodowe ludności autochtonicznej Górnego Śląska w latach 1945–2003 w świadomości społecznej. Katowice, 2004.

Nacija: narativ ili san (na primjerima iz hrvatske i makedonske književnosti)

Z. Kramarić

Filozofski fakultet Osijek (Osijek, Republika Hrvatska)

Ključne riječi: nacija, narativ, ideologija, identitet, postmoderna

Анотация. Нация является новой и современной, но в то же время коренится в сообществах, которые гораздо древнее, от которых принимает ряд элементов, таких как имена, мифы и символы, ценности и воспоминания.

U ovome radu polazim od postmodernističkog svođenja nacije na plod *imaginacije*, a *nacionalizam* na *diskurs*.

Na primjerima iz hrvatske i makedonske književnosti želim pokazati da nacije (pa, prema tome, i hrvatska i makedonska) nisu ni prirodne ni vječite već stvorene zajednice koje su poput zgrada ili umjetničkih djela, istovremeno i stvorene i zamišljene, pa nikako ne mogu biti svedene na puke proizvode imaginacije, «narative» podložne dekonstrukciji, ili instrumentalistički protumačene samo kao manipulativno sredstvo socijalnih elita.

Nadalje, pokazat ćemo da su nacije nužni i logični (nus)produkti procesa modernizacije, gdje su ključni elementi *modernizacije* – industrijalizacija, socijalna mobilnost, opća pismenost, javno obrazovanje.

Na tragu nekih Smithovih tekstova bavit ćemo se i geneologijom nacije, točnije odnosom nacije prema prošlosti, pa makar ta prošlost / tradicija bila pretpostavljena / izmišljena. Naime, mnogi autori priznaju činjenicu da se *nacionalizmi* u stvaranju nacije, kao *sirovim materijalom*, koriste «kulturalnim, historijskim i drugim naslijeđem iz prednacionalističkog doba». Problematizacija ove teze pomoći će nam razriješiti dileme *kontinuiteta / diskontinuiteta* u razvoju hrvatske, odnosno makedonske nacije i literature.

Zaključak: nacija je nova i moderna, ali istovremeno i ukorijenjena u znatno starijim zajednicama od kojih preuzima niz elemenata poput imena, mitova i simbola, vrijednosti i sjećanja.

Literatura

- Gellner Ernest.* Nationalism. London, 1997.
- Gellner Ernest.* Nacije i nacionalizam. Novi Sad, 1997.
- Greenfeld Lieh* Nationalism and Modernity // Social Research. 1996. Vol. 63. Br. 1. P. 3–40.
- Hastings Adrian.* Gradnja nacionalizma. Rijeka, 2003.
- Habsbaum Eric.* Nacije i nacionalizmi od 1780. Program, mit, stvarnost. Beograd, 1996.
- Jansen Stefan.* Svakodnevni orijentalizam: doživljaj «Balkana» // «Ev-rope» u Beogradu i Zagrebu. Filozofija i društvo. 2001. XVIII. Beograd, 2001. S. 33–71.
- Kymlicka Will.* Etnički odnosi i zapadna politička teorija // Habitus. Novi Sad. 1999. Br. 0. S. 1–52.
- Renan Ernest.* What is a Nation (1882) // Woolf S. (ur.) Nationalism in Europe 1815 to the Present. A Reader. London, 1996. P. 48–61.
- Said Edward.* Orijentalizam. Beograd, 2000.
- Smith Anthony.* Nacionalni identiteti. Beograd, 1998.
- Todorova Marija* Imaginarni Balkan. Beograd, 1999.

Miejsce i rola języków słowiańskich na uczelniach japońskich

K. Morita

Instytut Sławistyki PAN (Warszawa, Polska)

Historia sławistyki, Japonia, nauczanie języków słowiańskich

Аннотация. Настоящий доклад представляет место и роль славянских языков в японских университетах в свете токийской полонистики и богемистики, а также токийской и киотской славистики, которые возникли в 1990 годах. Рассматривается также развитие интерпретации понятия «славистика» в Японии, опираясь на деятельность славистов в Саппоро.

0. Wstęp

Należy sobie uświadomić, o czym chętnie się zapomina, że uniwersytecka sławistyka zajmuje się nauczaniem języków słowiańskich oraz nauczaniem literatur, ale ta pierwsza funkcja jest podstawowa. Czesław Miłosz [Teksty Drugie 1992: 133].

Dzieje japońskiej sławistyki do tej pory były prezentowane przez kilku znakomitych japońskich sławistów w języku angielskim i rosyjskim [Kimura 1953], [Ито 1980], [Caro 1983], [Caro 1985]. Sam również niedawno przedstawiłem je w języku polskim i rosyjskim [Morita 2001], [Морита 2003]. W niniejszej pracy ograniczę się do zarysowania najnowszych tendencji oraz obecnego miejsca i roli języków słowiańskich na japońskich uniwersytetach, a także zwrócę uwagę na charakterystyczne zjawisko «ucieczki od filologii», czyli modę na kierunki niefilologiczne, która ostatnio uwydatnia się w japońskiej sławistyce. Moje rozważania nie dotyczą rusycystyki oraz nauczania języka rosyjskiego.

1. Powstanie sławistyki w Japonii

Od końca XIX wieku przez długi czas w japońskich studiach sławistycznych dominowała rusycystyka – filologia rosyjska (zob. [Nihon Roshia Bungakukai 2000]). Dzięki staraniom Shoichi Kimura (1915–1986), zwanego «ojcem japońskiej sławistyki», po drugiej wojnie światowej w zdominowanej wówczas przez rusycystykę japońskiej sławistyce nastąpiła znacząca przemiana. Prof. Kimura, zajmując się badaniem języka i literatury rosyjskiej, zdobył jednocześnie szeroką wiedzę o innych językach słowiańskich. Ponadto zdołał wychować grono japońskich sławistów, specjalizujących się nie tylko w języku rosyjskim, ale także w innych językach słowiańskich. Mimo to sławistyka długo nie mogła uzyskać statusu samodzielnej dyscypliny naukowej. W ówczesnym systemie uniwersyteckim nurt sławistyczny mogli reprezentować w zasadzie tylko rusycyści. Dopiero po rozpadzie Związku Radzieckiego kształt japońskiej sławistyki zaczął się stopniowo zmieniać. W latach dziewięćdziesiątych XX wieku na Tokijskim Uniwersytecie Studiów Międzynarodowych (Tokyo University of Foreign Studies) utworzono studia polonistyczne i bohemistyczne, a potem kolejno na Uniwersytecie Tokijskim (The University of Tokyo) i na Uniwersytecie w Kioto (Kyoto University) wprowadzono nowy kierunek studiów: sławistyka – filologia słowiańska (zob. [Morita 2001], [Морита 2003]).

2. «Ucieczka od filologii», czyli moda na kierunki niefilologiczne

W japońskiej sławistyce obok kierunku filologicznego uwydatnia się także kierunek, który pod szyldem «sławistyki» oferuje nauki społeczne związane z narodami słowiańskimi bez solidnych podstaw filologicznych. Dzieje się tak dlatego, że w środowisku naukowym Rosji, Europy i Stanów Zjednoczonych *sławistyka* (*славистика*, *slawistik*, *slavistique*, *slavic studies*) ma długoletnią i bogatą tradycję sięgającą XIX wieku. Natomiast na japońskich uniwersytetach do drugiej wojny światowej nie istniało nawet takie pojęcie [Kimura 1953: 349]. Z tego powodu pojęcie *sławistyka* (po japońsku *suravugaku* lub *suravu kenkyu*) jest interpretowane w różny sposób w nauce japońskiej, w związku z czym w Japonii *sławistyka* jako dyscyplina naukowa nie zawsze jest utożsamiana z kierunkiem filologicznym.

W tym miejscu warto zwrócić uwagę na obecną sytuację sławistyki w Saппоро. W Japonii istnieje Centrum Badań Sławistycznych (Slavic Research Center) na Uniwersytecie Hokkaido (Hokkaido University). Jest to jedyny instytut badań sławistycznych w Japonii. Jednak zatrudnieni w nim są głównie politolodzy, historycy i ekonomiści, zajmujący się Rosją oraz krajami dawnego Związku Radzieckiego. Placówka ta prowadzi

interdyscyplinarne prace badawcze tzw. *area studies* (badania regionalne, obejmujące głównie dziedziny ekonomii, politologii, historii) oraz uzupełniające studia magisterskie i studia doktoranckie w zakresie nauk społecznych i kulturoznawczych. Wydaje się jednak, że nauki filologiczne pozostają w cieniu. Myślę, że ten profil sławistyki w Saппоро jest dobrym przykładem dwuznaczności pojęcia *sławistyka* w japońskim środowisku naukowym (por. [Ито 1980: 128–129]). Według *Uniwersalnego słownika języka polskiego* pod redakcją Stanisława Dubisza *sławistyka* to 'nauka o języku, literaturze, kulturze, historii narodów słowiańskich' [Dubisz 2003: 405]. Sławistyka w Saппоро obecnie prowadzi – zgodnie z założeniami tej placówki – badania syntetyczne nad regionami słowiańskimi i eurazjatyckimi, a więc większą wagę przywiązuje się tam do nauk politycznych, ekonomicznych i historycznych, a nie filologicznych. Muszę jednak tu przypomnieć, że Shoichi Kimura, «ojciec japońskiej sławistyki», który był związany z tym ośrodkiem w okresie jego powstawania, marzył, aby ta placówka stała się centrum filologii słowiańskiej w Japonii [Togawa 1986: 109–116].

Moda na kierunki niefilologiczne zapanowała także na tokijskiej polonistyce, która oferuje studentom nie tylko nauki humanistyczne, takie jak: język, literatura i kultura, ale także nauki społeczne, takie jak: historia, polityka, ekonomia, stosunki międzynarodowe itd. Zaskakujący jest fakt, że obecnie połowa studentów tokijskiej polonistyki kończy studia, pisząc prace dyplomowe na tematy niezwiązane ani z Polską, ani też z językiem polskim [Sekiguchi 2007].

3. Podsumowanie

Ze względu na obecną sytuację, trzeba przyznać, że w Japonii droga do sławistyki z prawdziwego zdarzenia jest jeszcze długa. Problem polega na tym, że japońska sławistyka zatrudnia zbyt mało wykładowców, z powodu braku popularności tego kierunku studiów oraz braku studentów nimi zainteresowanych i, rzecz jasna, braku możliwości finansowych. Ostatnio japońskie uniwersytety likwidują coraz więcej etatów na kierunkach sławistycznych z powodu szalejącej w całym kraju burzy – reformy szkolnictwa wyższego (por. [Sekiguchi 2007]).

W Japonii zainteresowanie sławistyką jest jeszcze niewielkie, poza tym, jak przyznaje Akihiro Sato, profesor sławistyki Uniwersytetu w Kioto (Kyoto University), należy przyjąć do wiadomości fakt, że japońska sławistyka wciąż nie jest samodzielną dyscypliną naukową i japońscy sławiści nadal muszą kontynuować badania, bazując na osiągnięciach sławistów zagranicznych [Sato 2003: 45].

Dla dalszego rozwoju japońskiej sławistyki konieczne jest większe niż dotychczas zaangażowanie wielu osób silnie umotywowanych pasją i sercem do własnych badań oraz szeroko zakrojone plany współpracy i wymiany doświadczeń z ośrodkami sławistycznymi za granicą, aktywny udział naukowców z Japonii w zagranicznych konferencjach międzynarodowych. Aby japońska sławistyka w pełni zażyła na swoje miano, konieczne jest zwiększenie liczby języków słowiańskich wykładanych na japońskich uniwersytetach oraz całej Słowiańszczyzny objęcie badaniami językoznawczymi.

Tradycje japońskiej sławistyki dopiero zaczynają się rozwijać, z trudnością wychodząc z dominacji «imperializmu rusycystycznego» (Uwarunkowaniom i roli sławistyk zagranicznych oraz ich zdominowaniu przez «imperializm rusycystyczny» poświęcony został numer «Tekstów Drugich» [Teksty Drugie 1992: 97–149]).

Bibliografia

- Ито Такаюки. Славяноведение в Японии: История, учреждения и проблемы // Slavic Studies. No. 25. Sapporo, 1980. P. 127–147.
Морита Кодзи. Обучение славянским языкам в японском высшем учебном заведении: современное состояние, проблемы и перспективы // Исследование славянских языков и литератур в высшей

- škole: dostignjenja i perspektivy / Red. V. P. Gudkov, A. G. Mashkova, S. S. Skorvid. M., 2003. S. 146–149.
- Сато Дзюн-уми.* Славистика в Японии // Beiträge zur Geschichte der Slavistik in nichtslawischen Ländern (Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung XXX). Wien, 1985. S. 549–559.
- Сато Дзюн-уми.* Славистика в Японии // Comparative and Contrastive Studies in Slavic Languages and Literatures (Japanese Contributions to the Ninth International Congress of Slavists). Tokyo, 1983. P. 97–102.
- Dubisz Stanisław (red.)* // Uniwersalny słownik języka polskiego. T. 4. Warszawa, 2003.
- Kimura Shoichi.* The Study of Russian in Japan // Word (Journal of the Linguistic Circle of New York). 1953. Vol. 9. No. 4 (Slavic Word 2). New York. P. 349–353.
- Morita Koji.* Sławistyka w Japonii – krótki zarys historii i stan dzisiejszy // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. T. 37. Warszawa, 2001. S. 267–278.

- Nihon Roshia Bungakukai [Japońskie Stowarzyszenie Rusycystów (ЯАР)] // Nihon-jin to roshia-go. Roshia-go kyoiku no rekishi [Japończycy i język rosyjski. Historia nauczania języka rosyjskiego]. Tokyo, 2000.
- Sato Akihiro.* Surabu kara suravu he [Od surabu do suravu] // Chi no tanoshimi gaku no yorokobi [Przyjemność wiedzy i radości nauki]. Faculty of Letters. Kyoto University. Iwanami Shoten. Tokyo, 2003. P. 44–49.
- Sekiguchi Tokimasa.* 15 lat Seminarium Kultury Polskiej na TUFS // Studia Polonistyczne w Azji / Red. Cheong Byung Kwon. East European and Balkan Institute & Department of Polish Studies. Hankuk University of Foreign Studies. Seoul, 2007 P. 57–71.
- Тексты Другие. 1992. 1 / 2 (13 / 14) // *Opinie: Polonistyka za granicą.*
- Togawa Tsuguo.* Kimura Shoichi kyoju to hokudai no surabu kenkyu [Prof. Shoichi Kimura a studia slawistyczne na Uniwersytecie Hokkaido] // Slavic Studies. 1986. No. 33. Sapporo. P. 109–116.

Класични и савремени модели славенских бајки / Классическая и современная модель славянских сказок

A. Pintarić

Filozofski fakultet Osijek (Osijek, Hrvatska)

Александр Сергеевич Пушкин, Александр Николаевич Афанасьев, Рудольф Франин Магьер

Анотација. В раду показаны классические и современные модели русских и хорватских художественных сказок. На примере сказок Пушкина, Афанасьева и хорватских сказок о золотой рыбке, бедном и скромном рыбаке и его ненасытной жене рассматривается композиция сказки и структура героев и фабулы.

Umjetničke ili autorske bajke nastajale su na temelju usmene baštine, a najznačajniji predstavnici jesu Charles Perrault (1628.–1703.), Jeanne-marie LePrince De Beaumont (1711.–1780.), Jacob (1785.–1863.) i Wilhelm (1786.–1859.) Grimm, Hans Christian Andersen (1805.–1875.) itd. U 19. st. nastaju i slavenske umjetničke bajke koje Aleksandara Sergejeviča Puškina, Božene Němcove, Aleksandra Nikolajeviča Afanasjeva. Slavenske su bajke također nastajale na modelu usmene bajke, a prepoznaje se po jedinstvu stvarnoga i zamišljenoga svijeta, neobjašnjivim događajima, stereotipnom uvodu, sukobu i raspletu, sukobu dobra i zla i pobjedi dobra, uvjetu i kušnji, odgođenoj nagradi, ponavljanju radnje i dijaloga, mjestu i vremenu zbivanja, odlasku glavnoga junaka od kuće, stereotipnim likovima i nadnaravnim pomagačima iz svijeta vila, čarobnjaka, divova, zmajeva te čarobnim predmetima i riječima.

Hrvatska umjetnička bajka ima sličan zametak, ali različit put u odnosu na svjetske i slavenske bajke. Hrvatsku umjetničku bajku u drugoj polovici 19. stoljeća začinje August Šenoa (1831.–1881.) povjesticama *Postolar i vrag* (1863.), *Kameni svatovi* (1869.) i *Kugina kuća* (1869.). No, Šenoa napušta bajku i time ona zamire sve do početka 20. stoljeća kada se javljaju Rudolfo Franjin Magjer (1884.–1954.) sa zbirkom *Za cvjetne mladosti* (1905.), Vladimir Nazor (1876.–1949.) s *Istarskim pričama* (1913.), Ivana Brlić-Mažuranić (1874.–1938.) s *Pričama iz davnine* (1916.) i Josip Cvrtila (1986.–1966.) sa zbirkom *Ivanjska noć i druge pripovijesti* (1922.).

Vrijeme nakon 1945. godine u hrvatskoj je književnosti poznao kao vrijeme socrealističke književnosti u kojemu bajka ne nalazi svoje mjesto sve do 1990-tih, kada klasična bajka doživljava pravu renesansu u djelima Ante Gardaša, Snježane Grković-Janović, Želimira Hercigonje, Jadranke Klepac i Vjekoslave Huljić. Navedeni pisce također stvaraju na

modelima klasične bajke, ali se prepoznaje i odmak od klasičnoga uzora: često se izostavlja zaslužena nagrada ili kazna, dolazi do neočekivanog obrata, kao likovi javljaju se antropomorfizirani predmeti iz stvarnoga, biljnoga i životinjskoga svijeta, likovi nisu stalni nego se razvijaju i mijenjaju, opisuju se psihološke i socijalne osobine, fabula je bogatija, uočava se ironiziranje i nonsensnost, izostavlja se pouka, opisi su sadržajni i često obogaćeni pejzažnim motivima.

Promatrajući slavenske bajke koje su prevedene na hrvatski jezik razvidno je kako se među njima javljaju slični motivi. Primjerice, riječ je o motivu čarobne ribice i liku siromašnoga i zadovoljnoga ribara i njegovoj nezasiťnoj ženi koji se javljaju, prvo, u Grimmovoj bajci *Ribar i njegova žena*, a zatim u Puškinovoj *Bajci o ribaru i ribici*, Afanasjevoj bajci *Zlatna ribica* te hrvatskoj bajci *Kažnjena lakomost* koju je napisao Rudolfo Franjin Magjer.

Fabula je slična. Siromašni ribar ulovi zlatnu ribicu i bez otkupnine je vrati u more. Kada uvečer ispriča starici što mu se čudnovato danas dogodilo i kako je ribicu bez naplate vratio u vodu, starica se razljuti što ga je dopala takva sreća a nije ju znao iskoristiti, te mu zapovjedi da se vrati i zatraži barem dovoljno kruha. Ribica rado ispuni staričinu želju, ali nezasiťna starica zaželi postati vojvotkinjom te svijetlom caricom i na kraju vladaricom mora. Na posljednju staričinu želju ribica bez odgovora zaroni u vodu, a starac, koji je nakon nekog vremena krenuo kući, umjesto dvorca nađe opet siromašnu kolibicu i stariću pred njom kako pere ruho u koritu starom. Nikada više starac nije ulovio zlatnu ribicu.

Hrvatska se inačica *Kažnjena lakomost* Rudolfa F. Magjera razlikuje od klasične fabule. Umjesto nezasiťne starice, javlja se nezasiťni ribar čija je lakomost kažnjena.

Проблемы перевода с словенского языка на чешский

J. Šnytová / Я. Шнытова

Кафедра богемистики Факультета филологии Университета в Любляне (Любляна, Словения)

Перевод, стилистика, контрастивная лингвистика, функциональная эквивалентность, словенская литература

Анотација. Доклад включает в себя трактовку проблем перевода с словенского на чешский язык. Речь идет об анализе чешских текстов в сравнении с словенским оригиналом с точки зрения стилистики. Материалом для транслатологического анализа являются отрывки из произведений современного словенского прозаика, очеркиста и драматурга Драга Янчара.

Teorie překladu v českém prostředí je v současnosti zaměřena na překládání z jazyků germánských nebo románských (např. teorie překladu z angličtiny: [Knittlová 2000]; teorie překladu z francouzštiny: [Šabršula 2000]). Pokud se studie zabývají translatologickými problémy při překládání ze slovanských jazyků, jedná se především o ruštinu a polštinu (např. [Žváček 1994], [Lotko 1986]), kratší stati nalezneme také o překládání ze

slovenštiny. V české teorii překladu se neobjevuje rozsáhlejší publikace, která by se zabývala problematikou překládání z jihoslovanských jazyků a nenalezeme rovněž teoretickou překladatelskou práci věnující se slovinštině.

Pokud jde o kritiku překladu, situace není příliš uspokojivá, ať už jde o množství komentářů, nebo o jejich úroveň. Často se můžeme při pročítání reflexí překladové literatury setkat s

nepoučeností a také s neznalostí výchozího jazyka. V důsledku toho je pak zorný úhel recenzenta pouze subjektivním viděním a části textů podrobené kritice bývají jen náhodně zvolenými úryvky. Mnohdy pak dochází k tomu, že kritik nebere v úvahu zvláštní povahu překladu, povahu díla originálního, zároveň však reprodukováného, a věnuje se pouze výsledku překladatelského procesu, aniž by vzal na zřetel dílo původní a míru adekvátnosti jeho převodu. Přistupuje pak k textu jen jako k dílu originálnímu, kterým však není.

V českém prostředí se setkáváme s překladatelským fenoménem, kdy dílo jedné literatury bylo dlouhodobě překládáno převážně jedním překladatelem. Moderní slovinskou literaturu do českého prostředí uváděl a překládal především překladatel František Benhart (1924–2006). Jeho překladatelské dílo čítá 56 knižně vydaných překladů během 48 let jeho působení; věnoval se překladům prózy, poezie, dramatu i esejistiky. Jeho překladatelská práce je reprezentativním dokladem stavu českého překladatelství ze slovinštiny do češtiny.

Předmětem tohoto příspěvku je stylistická analýza Benhartova překladu do češtiny jedné z próz Draga Jančara (1948), a to povídky Kastilský obraz (in [Jančar 2003]; originál in [Jančar

1992]. Podle Jiřího Levého můžeme překladatelský proces rozčlenit na tři fáze: (a) filologické pochopení předlohy, (b) její interpretace a (c) přestylizování. Při první fázi «může vést k omylům mnohovýznamovost slov, myslné asociace vyvolané jazykovým materiálem, využití slova obdobného znění nebo grafiky» [Levý 1963: 5] i analýze vybraného úryvku jsme našli několik příkladů pochybení v první fázi překladatelského procesu (viz tabulka). Při překladu dochází k bezdůvodným záměnám ekvivalentů *potovanje* – *cestování*, *romanje* – *putování*. Slovinské verbum *prišel* je přeloženo jednou jako *dospěl*, pak *došel*, a přitom ve slovinštině by autor mohl také použít verba různých stylistických rovin, ale neučinil tak. Při překladu historismu *mejni grof* použil kalku *pohraniční hrabě*, který však v češtině neexistuje a jedná se o funkci *markraběte*. Slovinské substantivum *hrib* překládá jako *hora*, ačkoli v češtině existuje přesný ekvivalent *kopec*, dochází k záměně *hrib* – *kopec*, *gora* – *hora*. Při překladu je využito slova obdobného znění a grafiky, přestože v češtině má jiný význam: *vzpenjati se*, tedy *pohybovat se směrem vzhůru*, přeloženo imperfektivem *vzpínat se*, což v češtině znamená *vztyčovat se*, *stavět se na zadní nohy* (*u koně*).

slovinský originál	překlad do češtiny	správný překlad
str. 71 Friderikovo <i>potovanje</i> , poročajo kronisti, je potekalo v skladu z njegovo burno naturo, med nenehnimi zapleti na poti. (...) Še preden je <i>prišel</i> na cilj, ga je ujel <i>mejni grof</i> Ferrare, ga precej časa skupaj z razvratnim spremstvom držal v ujetništvu, dokler ga niso odkupili in ga, preden je <i>prišel</i> na cilj <i>romarske</i> poti, vrnili domov. (...), ampak tudi v vaseh s cerkvami, v zaselkih, ob samotnih cerkvah v <i>hribih</i> . (...) njegova postava, zlita s konjem, pokazala v dolini, sredi migetajočega sončnega žarčevja. In preden se je začel <i>vzpenjati</i> navzgor, proti beli cerkvici, (...)	str. 49 Fridrichovo <i>putování</i> , oznamují kronikáři, probíhalo v souladu s jeho bouřlivou povahou, za neustálých zápletek na cestě. (...) Ještě než <i>dospěl</i> k cíli, zajal ho <i>pohraniční hrabě</i> Ferrare, hodnou dobu ho i s divokým doprovodem držel v zajetí, dokud ho nevykoupili, a než <i>došel</i> k cíli <i>putování</i> , vrátili ho domů. (...), ale i ve vsích s kostely, v osadách, u osamocěných kostelů v <i>horách</i> . (...) jeho postava, slitá s koněm vjedno, (se) ukázala v údolí, v mihotavě sluneční záři. Nežli se začal <i>vzpínat</i> k bílému kostelíku, (...).	cestování markrabě kopcích vystupovat / stoupat

Po analýze krátkého úryvku můžeme konstatovat, že dochází k posunům v několika rovinách, které mění či obohacují styl překladu, ačkoli to nebylo autorovým záměrem, jak dokládá originál. Nepřesně používané ekvivalenty, nepochopení historismů, vytváření překladatelských neologismů vedou k posunutí smyslu textu v cílovém jazyce či dokonce k jeho nesrozumitelnosti.

Literatura

Hrdlička M., st. Slovo o stylu a překladu // 15 x o překladu. Praha, 1999.
Jančar D. Pogled angela. Ljubljana, 1992.

Jančar D. Přízrak z Rovenské. Brno, 2003.
Knittlová D. K teorii i praxi překladu. Olomouc, 2000.
Kufnerová Z. et al. Překládání a čeština. Jinočany, 1994.
Levý J. Umění překladu. Praha, 1963.
Lotko E. Čeština a polština v překladatelské a tlumočnické praxi. Ostrava, 1986.
Pechar J. Otázky literárního překladu. Praha, 1986.
Šabršula J. Teorie a praxe překladu. Ostrava, 2000.
Vevar Š. Temeljni aspekti in principi teorije literarnega prevajanja. Ljubljana, 2000.
Žváček D. Úvod do teorie překladu pro rusisty. Olomouc, 1994.